

Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет базового образования
Нового болгарского университета
Семипалатинский государственный университет им. Шакарима
Пензенская государственная технологическая академия

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

Материалы II международной научно-практической
конференции 25–26 октября 2012 года

Пенза – София – Семей
2012

УДК 332+316.334.52+32
ББК 60.5

С 56 Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов: материалы международной научно-практической конференции 25–26 октября 2012 года. – Пенза – София – Семе́й: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012 – 116 с.

Редакционная коллегия:

Николай Арабаджийски, доктор экономики, доцент, декан факультета базового образования Нового болгарского университета.

Коновалов Алексей Петрович, кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Казахстан, директор центра социального мониторинга и прогнозирования Семипалатинский государственный университет им. Шакарима.

Найдёнова Людмила Ивановна, доктор социологических наук, профессор Пензенской государственной технологической академии.

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения аспирантов, соискателей и преподавателей, в которых рассматриваются проблемы стратегической стабильности, антикризисных мер и социально-экономического развития в регионах. Часть материалов сборника посвящена правовым, политическим и административным факторам регионального развития. В некоторых статьях освещаются вопросы социокультурного развития, формирования и поддержания идентичности и этноконфессионального сотрудничества в региональном и государственном масштабах.

ISBN 978-5-91990-092-4

УДК 332+316.334.52+32
ББК 60.5

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2012.
© Коллектив авторов, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

I. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Цоллер С. В.

Методологический подход к исследованию стратегической
стабильности регионов (субъектов) Российской Федерации 6

Кулькова В. Ю.

Региональная компаративистика
информационной сетизации субъектов Российской Федерации 8

Баширова А. А.

Экологический статус региона –
возможный путь выхода из экономического кризиса? 11

Егорова Е. Н., Походяев И. Н.

О факторах формирования
туристско-рекреационного потенциала региона 13

Макеева С. Б.

Анализ потенциально-туристских районов КНР 16

Яхонтова М. В.

Особенности социально-экономического развития
Астраханской области 18

II. ПОЛИТИКА, ПРАВО И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

Мужде Чу М. К.

Социально-политические взгляды Абу Наср аль-Фараби 20

Шарифи М. Г.

Международное право во внутреннем праве исламских стран 23

Адамович С. В.

Национально-государственный суверенитет в контексте
современных процессов глобализации и регионализации мира 26

Зинина Е. А., Тишкина К. В., Чепракова М. Ю.

Исследование видов политического капитала 27

Казаков М. Ю.

Инфраструктурное обеспечение пространственной политики
асимметрично развивающегося региона 34

Новиков А. В., Волостных В. В.

Эффективное стратегическое управление как основа
модернизации региональной экономики
(на примере судостроения Архангельской области) 38

Стоянова М. А. Государственное регулирование региональных рынков жилой недвижимости	43
Якупова Г. А. Приоритеты государственной поддержки села в республике Башкортостан.....	48

III. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Стефановская Н. А., Жуликова О. В., Круглякова С. А. Взаимосвязь экономической и информационно-культурной стратификации в регионе.....	52
Свешников А. В. Экономические уровни качества жизни	55
Скузоватова О. Г. Финансовая сущность экономической категории «Прожиточный минимум» и ее роль в оптимизации региональных финансов и обеспечении национальной безопасности	57
Корчак Е. А. Европейский север России: проблемы современного состояния региональных рынков труда	64
Щитова И. В. Государственная поддержка многодетных семей путем реализации мер по вопросам жилищного характера	67
Рудюк М. А. Роль долгосрочных целевых программ в повышении качества жизни пожилых людей	71

IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Мишуковская Е. В. Некоторые методы обучения компьютерной графике в МОУ ДОД «Центр эстетического воспитания детей „Детская картинная галерея”» г. Магнитогорска	76
Юсупова С. Г. Экономическое воспитание младших школьников	79
Гумбатова И. В. Государственно-частное партнерство как один из факторов развития среднего профессионального образования в Российской Федерации	80

Прохорова А. Н.

Развитие библиотечного дела
в губернском городе Симбирске в 1880–1890-е годы..... 83

Кучинская Т. Н.

Регион как организационная форма
социокультурного пространства..... 86

Ложкин А. Г.

Социокультурные особенности
развития предпринимательских сетей в России..... 89

**V. ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ
ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Дягилева Н. С.

Факторы формирования идентичности
городского и сельского населения..... 92

Гилязова М. И.

Фактор языка в поддержании этнической идентичности
(на примере этнических групп татар и русских в Татарстане) 96

Бормотова Т. М.

Межконфессиональное и межнациональное сотрудничество –
обеспечение национальной безопасности регионов России 99

План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2012–2013 годах..... 102

Информация о журнале «Социосфера» 109

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» 114

I. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ (СУБЪЕКТОВ) РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. В. Цоллер

Московский университет МВД России, г. Москва, Россия

Summary. This article observes the issues of strategic stability regions of Russia. The definition of the strategic stability of the region. Security issues are divided into the dominant group.

Key words: economic security of the regions; the strategic stability of the regions; the potential threat; the real threat.

Управлению состоянием субъекта федерации способствует исследование проблем стратегической стабильности. Базовая характеристика процесса управления состоянием субъекта федерации – уровень его стратегической стабильности. Обеспечить стратегическую стабильность региона – важнейшая цель всех органов государственного управления региона, и в первую очередь Правительства субъекта РФ. Ведь именно правительство субъекта отвечает за все стороны жизнедеятельности региона в целом. Конечно, правительство формирует основополагающие положения по обеспечению стабильности региона, затем возлагает их выполнение на соответствующие характеру задач структуры и контролирует своевременность и полноту исполнения этих задач.

Стратегическая стабильность региона – совокупность условий безопасности всех составляющих его жизнедеятельности, включая вопросы целостности и стабильности социально-экономического развития. Стратегическая стабильность – важнейшая составляющая безопасности страны, предполагающая использование всех средств и сил для защиты ключевых интересов на региональном, национальном и глобальном уровнях.

Выявление, идентификация, оценка и прогноз развития – это реальное восприятие угроз, способное помочь в решении проблемы стратегической стабильности региона, своевременно эффективно среагировать на возникающие угрозы в интересах недопущения опасного развития событий, а в случае крайней нужды – способное устранить обостряющиеся угрозы всеми возможными средствами и силами, включая региональные и местные.

Большая часть регионов не может принимать должного участия в развитии банковского сектора – очень многое копируется с

центральных регионов – в основном с Москвы, опыт зарубежных банков не изучается или изучается недостаточно для внедрения новых программных продуктов и пр., финансово-проводящих систем, фондового и биржевого рынков.

Криминализация экономики все также продолжает оставаться очень серьезной угрозой для экономики регионов. Степень влияния этого фактора оценить достаточно сложно, но затормаживающее влияние криминализации экономики бесспорно.

Основные источники опасностей – стремление каждого участника социально-экономических отношений в стране (включая иностранцев) отстаивать свои интересы. Часто эти интересы идут вразрез с интересами регионов, порождают и обостряют противоречия в отношениях, которые затрагивают экономическую, политическую, социальную, военную, межнационально-этническую, торговую и другие сферы. Стремление политических сил и преступных сообществ добиться своих целей любыми средствами, включая противоправные, относится к той же категории.

Совершенствование механизма системы обеспечения региональной безопасности в общей системе национальной безопасности, принятие эффективных мер политического и экономического, социального и культурного характера необходимы для своевременного и правильного выявления причин роста угроз стратегической стабильности и безопасности регионов.

Исследования по оценке уровня стратегической стабильности субъекта РФ должны учитывать и такие факторы, которые невозможно количественно оценить традиционными методами.

Аналитическое представление зависимости уровня стратегической стабильности региона от различных факторов, которые носят как количественный, так и качественный характер, может послужить основой для согласования позиций представителей различных органов власти региона, которые участвуют в его жизнедеятельности (на уровне федерации, центра региона, властей других субъектов федерации, хозяйствующих субъектов на территории региона).

В результате последовательного исполнения представленной взаимообусловленной совокупности мероприятий, уточнения и согласования предложений поиска наиболее благоприятного варианта решения формируется необходимая управленческая основа для принятия мер по укреплению стратегической стабильности региона, которые обеспечивают парирование всего множества дестабилизирующих факторов с учетом соблюдения общих интересов РФ [1, с. 34–37].

Библиографический список

1. Еделев А. Л. Стратегическая стабильность и экономическая безопасность субъектов Российской Федерации. – М., 2007.

2. Купрещенко Н. П. Противодействие теневой экономике в системе обеспечения экономической безопасности России (теоретико-методологический подход) : дис. ... докт. экон. наук. – М., 2008.

РЕГИОНАЛЬНАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА ИНФОРМАЦИОННОЙ СЕТИЗАЦИИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. Ю. Кулькова, Н. В. Мироненко

Университет управления «ТИСБИ», г. Казань, Россия

Орловский филиал Российской академии

народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ, г. Орёл, Россия

Summary. The analysis of processes of information, in particular the distribution of the activity for the development of the real sector of information and communication technologies, as well as a comparison process activity setization RF subjects.

Key words: setization; networks; markets; information mediation; communication.

Тренды регионального развития субъектов РФ показывают, что в большинстве регионов значительная часть информационной деятельности, позиционирующаяся в качестве одного из важнейших элементов формирования региональной инфраструктуры, а также самостоятельного специализированного сектора рынка, на котором предлагаются особые продукты и услуги, вовлечена в сетевые отношения. Рынки информационного посредничества неоднородны и высокодиверсифицированы, а также прямо пропорциональны развитию ИТ-индустрии. Темпы роста последней обеспечивают конкурентное преимущество для организации в условиях острейшей конкуренции, а управление на основе бизнес-процессов не может эффективно реализовываться без применения информационных технологий и систем.

Вместе с тем анализ развития информационной экономики в региональной компаративистике важен с точки зрения диагностики потенциального роста экономических возможностей регионов на основе ИКТ, включая использование прямых социальных функций ИКТ, т. е. вовлечение в экономическую деятельность максимально возможной части населения. Как известно, ключевыми факторами, работающими на верификацию результатов анализа, выступают методический инструментарий и информационная база исследования (фактография). Формирование информационной базы анализа тенденций развития информационной экономики в регионах Центрального федерального округа (ЦФО) является сложным процессом, так как имеющиеся данные довольно скудны и не всегда сопо-

ставимы, недостаточно подробны для количественной оценки влияния ИКТ на экономическое развитие и рост. Под ИКТ мы понимаем информационные процессы и методы работы с информацией, осуществляемые с применением средств вычислительной техники и средств телекоммуникации. Развитие ИКТ характеризуется удельным весом информационного сектора экономики в ВРП, а также численностью людей, основная деятельность которых связана с использованием ИКТ, передачей и обработкой информации в разных ее формах.

Учитывая ограничения, накладываемые качеством информационной базы, целью статьи является оценка информационной сентизации субъектов ЦФО Российской Федерации на основе многомерной классификации регионов по следующим статистическим показателям: индекс инвестиций в основной капитал на душу населения (%) и индекс затрат на ИКТ (%). Из рассматриваемой совокупности были исключены г. Москва и Московская область, так как они характеризуются экстремальными значениями по рассматриваемым показателям. В качестве методов исследования выступили различные процедуры корреляционного и кластерного анализов, реализованные с помощью пакета анализа данных общественных наук SPSS Base 11.0 [2].

На первом этапе исследования были использованы графические методы разведочного анализа данных, представляющие распределение степени активности по освоению реальным сектором экономики информационно-коммуникационных технологий, коррелирующее с объемами инвестиций в основной капитал.

Постепенно, с распространением ИКТ, происходит переориентация экономики России на качественно новый уровень, что позволяет отечественным предпринимателям выходить на мировой рынок, стимулируя переход от восстановительного к инновационному типу экономического роста.

Более детальную информацию можно получить из диаграмм Парето, на которых данные представляются в ранжированном порядке (рис. 2).

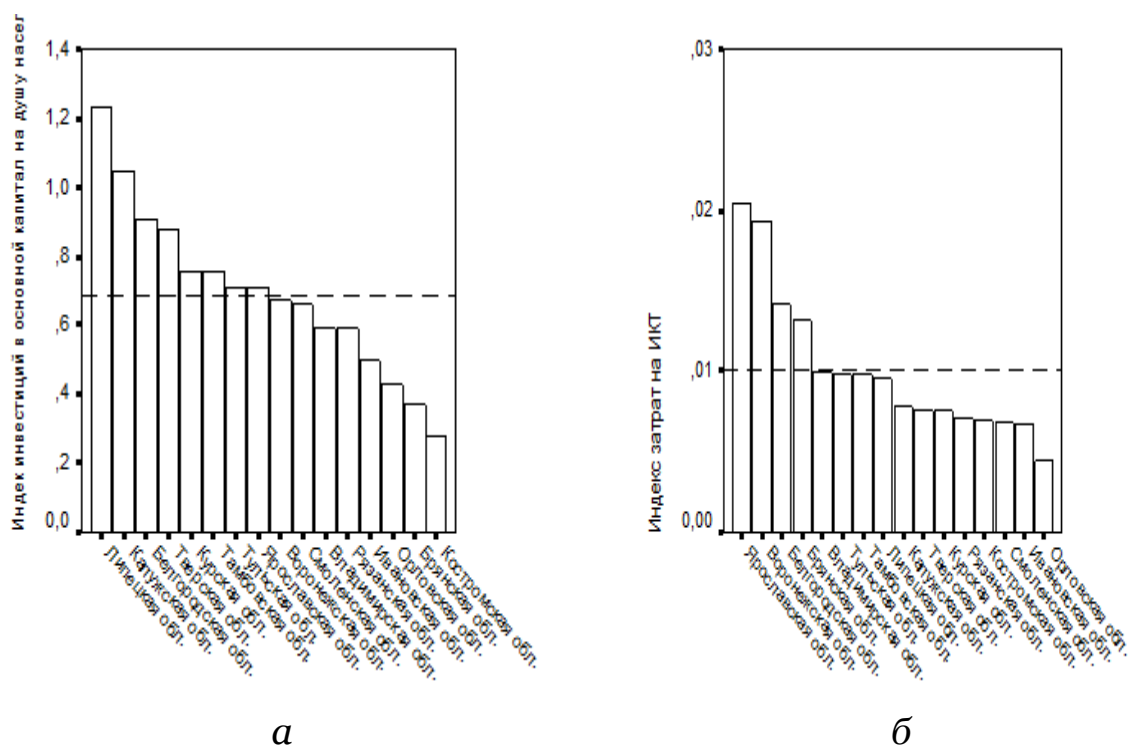

Рис. 2. Ранжирование субъектов ЦФО РФ:

**а – по индексу инвестиций в основной капитал на душу населения,
б – по индексу затрат на ИКТ**

Из приведенной диаграммы видно, что самые высокие показатели по индексу затрат на ИКТ в Воронежской и Ярославской областях превышают средний по ЦФО РФ от 0,69 до 2,2. Остальные регионы распределены достаточно симметрично. Так как инвестиционные потоки являются более сбалансированными, можно отметить более равномерное и симметричное распределение по областям ЦФО.

Наибольшей степенью открытости индекса инвестиций в основной капитал на душу населения характеризуется Липецкая область (123 %), а наименьшей Костромская область (28 %). Степень открытости индекса затрат на ИКТ по субъектам ЦФР РФ в 2010 году выше среднего значения отмечается в 4 субъектах, причем максимальное значение данного показателя отмечается в Ярославской области (2,04 %), а минимальное в Орловской области (0,45 %).

Сделанные обобщения дают основания для следующего вывода: масштабы информационной деятельности в регионах ЦФО свидетельствуют об их переходе к информационному обществу, что подтверждается и активным использованием органами государственного управления системы электронного правительства в регионах. На диаграммах пунктирными линиями отмечены средние значения степени открытости сайтов государственных органов исполнительной и законодательной власти субъектов РФ, составляющие 69,7 % (0,627) и 1,2 % (0,012) соответственно.

Интернет-экономика только начинает формироваться в России, именно в ней заложен самый значимый потенциал развития отече-

ственной экономики в целом и в частности развития инвестиционного потенциала экономического роста в условиях глобализации. Информационной деятельностью в широком смысле уже занимается большая часть населения развитых стран. Если говорить о мегаэкономике, то размеры информационной деятельности в ней можно оценить примерно в 12 трлн долл., или 40% мирового ВВП [3].

Таким образом, в субъектах РФ идет процесс информатизации экономики, который характеризуется факторами регионального развития, обусловленными зависимостью процесса развития информационной деятельности и информационных технологий от имеющейся промышленной базы, иных ресурсов и определенных традиций.

Библиографический список

1. Громыко Ю. В. Институт опережающих исследований. Что такое кластеры и как их создавать? //Альманах «Восток». – № 1 (42), июнь 2007 г. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1178.htm
2. SPSS Искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. – Спб. : ООО «ДиаСофтЮп», 2002. – 608 с.
3. Панфилов А. Электронная коммерция как катализатор экономики // Экономика и жизнь. – 2001. – № 8. – С. 58.
4. Результаты оценки официальных сайтов // Институт развития свободы информации. URL: <http://www.svobodainfo.org> (дата обращения: 10.01.2011).
5. Федеральные целевые программы / Министерство экономического развития РФ. URL: <http://fcpr.economy.gov.ru>
6. Электронный портал госуслуги. URL: <http://www.belregion.ru>

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС РЕГИОНА – ВОЗМОЖНЫЙ ПУТЬ ВЫХОДА ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА?

А. А. Баширова

**Институт социально-экономических исследований
Дагестанского научного центра РАН,
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия**

Summary. Assigning a region the ecological status allows the regional economy with the criteria corresponding to the requirements of balanced sustainable development, improve the socio-economic development.

Key words: region; modernization; environmental status of the region.

Для депрессивных регионов, экономика которых характеризуется существенным отставанием по большинству параметров социально-экономического развития от других регионов и от общенациональных в целом, определение путей развития должно отходить от

традиционных подходов, ориентируясь на нестандартные пути решения, пусть и носящих долгосрочный характер.

В процессе модернизации и инновационных преобразований российской экономики центр тяжести смещается на территориальный уровень. При этом региональным властям необходимо ориентироваться на собственные силы, ресурсы, а не на вмешательство центра. Те регионы, которые эффективно смогут использовать свой потенциал и привлекут для этой цели внутренний и внешний потенциал, будут иметь благоприятные возможности для социально-экономического роста. Поэтому важно определить такие факторы развития, которые обеспечат сильные социально-экономические позиции региона [1].

Природно-географический фактор относят к сильным сторонам Республики Дагестан. Однако он же обуславливает и некоторые трудности экономического развития на территории (например, отдаленность и труднодоступность определенных территорий республики, трудности производственного освоения и др.), которые в совокупности с другими факторами (низкая эффективность управления регионом, политическая нестабильность, противоречивость интересов природопользователей) сводят на нет многие инвестиционные начинания, действие различных экономических инструментов, призванных вытащить экономику региона из депрессивного состояния.

Это равносильно положению, когда обществу «нечего терять», в то же время интенсивные процессы международной интеграции открывают неограниченные экономические возможности претворения в жизнь инновационных идей, способствующих модернизации регионального развития.

Модернизация экономики должна происходить на основе структурной перестройки, внедрения инноваций, обеспечения энергоэффективности. Это возможно при переходе к сбалансированному развитию как новой экономической стратегии на основе принципов «зеленой экономики».

В мире нарастает тенденция осознания экономического значения природного богатства и экосистемных услуг. Республика может использовать это, став своеобразным экологическим донором как для России, так и для соседних государств. При этом регион несет издержки за неиспользование, охрану и уход за природной средой, соответственно, он может претендовать за подобный отказ от хозяйственной деятельности и своеобразный вклад в устойчивость развития на экономическую компенсацию. Здесь можно задействовать такой же механизм, как и в Киотском договоре.

Если общепризнанным является тот факт, что Дагестан обладает уникальными природными ресурсами, но не может их эффективно освоить в силу ряда причин, то решением может послужить получение им статуса экологического донора страны, поскольку он

вносит свой вклад в стабилизацию биосферы, сохранение биоразнообразия, регулирование климата за счет природных экосистем, не затронутых хозяйственной деятельностью. Тем более это актуально, поскольку регион является приграничной территорией, то есть в данном случае учитываются не только местные, общегосударственные, но и внешние геополитические интересы.

Приобретение экологического статуса для республики может стать толчком для структурной перестройки экономики, основным потенциалом хозяйственного развития. Дагестан является преимущественно аграрной республикой, с определенным потенциалом развития туризма и рекреации, возобновляемой энергетики, что вполне вписывается в данную концепцию, если данные виды хозяйственной деятельности развивать с помощью экологически приемлемых технологий под маркировкой «экологически чисто». Для Дагестана экономически приемлемой является экологическая модель развития, которая нуждается в разработке соответствующей стратегии сбалансированного развития и среднесрочных программ регионального развития.

Естественно, что на этом пути региону необходима государственная помощь достаточно длительное время, которая может осуществляться не только через систему бюджетных трансфертов, но и, например, через систему государственных закупок экологически чистых товаров для объектов социальной инфраструктуры.

Библиографический список

1. Петросянц В. З., Дохолян С. В., Петросянц Д. В., Баширова А. А. Стратегия регионального развития в условиях инновационных преобразований экономики. – М. : Экономика, 2011.

О ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Е. Н. Егорова, И. Н. Походяев

**Морской государственный университет
им. адм. Г. И. Невельского, г. Владивосток, Россия**

Summary. The basis of development of tourist–recreational complex in the region is tourism and recreation potential. Factors of forming the tourism and recreation potential include: natural resources, cultural and historical resources, socio-economic conditions, political and administrative conditions.

Key words: tourist-recreational complex; tourism and recreation potential.

Туристско-рекреационный комплекс (ТРК) национальной экономики – это часть национальной хозяйственной системы страны, включающая совокупность видов экономической деятельности,

обеспечивающих условия для отдыха, лечения, оздоровления и туризма [1]. Составляющими туристско-рекреационного комплекса национальной экономики являются ТРК регионов страны, в составе которых выделяются определяемые Правительством РФ туристско-рекреационные зоны, расположенные на территории регионов.

Туристско-рекреационный комплекс (ТРК) предлагается рассматривать как многофункциональное комплексное хозяйство, охватывающее сферу туристско-рекреационных услуг как единую систему, являющуюся частью многоотраслевого комплекса, привязанную к определенной территории (например, региональный ТРК).

Одним из важнейших факторов формирования ТРК региона является наличие природных туристско-рекреационных ресурсов на территории региона и их специфика. Рекреация (от лат. *rescreatio* – восстановление) – восстановление и развитие физических и духовных сил человека посредством отдыха. Вторым не менее важным фактором является наличие культурно-исторических ресурсов, обладающих свойством туристской привлекательности (представляющих интерес для туристов).

Таким образом, базовый туристско-рекреационный потенциал региона формируют два вида ресурсов: природные туристско-рекреационные ресурсы и культурно-исторические туристско-рекреационные ресурсы.

Другими словами, к туристско-рекреационным ресурсам относятся совокупность природных и культурно-исторических факторов, объектов и явлений, принадлежащих определенной территории и (или) акватории, позволяющая использовать данную территорию и (или) акваторию в туристско-рекреационных целях. Рекреационное использование территории – это посещение территории с целью восстановления здоровья и отдыха рекреантов. К туристическим целям использования территории относится удовлетворение туристского интереса и других туристских потребностей. Туристско-рекреационные ресурсы формируют базовый туристско-рекреационный потенциал региона, обеспечивая функционирование ТРК региона и определяя пути его развития.

К природным и культурно-историческим ресурсам региона относятся: красота ландшафта, лечебные свойства местности, историко-культурные достопримечательности, природно-климатические и ландшафтные особенности и т. д.

В целом туристско-рекреационный потенциал региона – это совокупность всех туристско-рекреационных ресурсов, а также социально-экономических условий и политико-административных условий, совокупность которых позволяет использовать территорию в туристско-рекреационных целях, т. е. для отдыха, оздоровления и культурного развития. Косвенный туристско-рекреационный потенциал региона формируют два вида факторов: социально-

экономические и политико-административные. Развитие этих факторов способствует эффективному и устойчивому использованию туристско-рекреационных ресурсов. Они включают материально-технические, финансовые, трудовые, инфраструктурные, административные и другие ресурсы, необходимые для развития и функционирования гостиничного бизнеса, баз отдыха, санаторно-курортного лечения, транспортной сферы и других составляющих туристско-рекреационного комплекса региона.

Рис. 1. Факторы формирования туристско-рекреационного потенциала региона

Туристско-рекреационный потенциал региона – это совокупность факторов, формирующих благоприятные условия для эффективного развития туристско-рекреационного комплекса региона.

Библиографический список

1. Егорова Е. Н., Мотрич О. В. Методические аспекты комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала региона // Вестник ИНЖЭКОНА. Серия: экономика. – 2010. – № 6 (41). – С. 101–111.

АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛЬНО-ТУРИСТСКИХ РАЙОНОВ КНР

С. Б. Макеева

Иркутский государственный лингвистический
университет, г. Иркутск, Россия

Summary. In presented article the author considers the basic perspective projects of development of tourism in the Chinese People's Republic. The author carries out the development analysis in the Chinese People's Republic such kinds of tourism, as rural, red and ecological. In article the information on plans of improvement of a social and transport infrastructure of sphere of tourism in the Chinese People's Republic is resulted.

Key words: tourist area; tourist projects and plans; red, rural and ecological tourism; tourism infrastructure.

Изучение потенциально-туристских районов КНР основано на анализе социально-экономических планов, проектов развития туристской отрасли в КНР на китайском языке, которые размещены на официальном сайте Государственного Управления туризма КНР. В основном современные планы по развитию туристской отрасли КНР затрагивают вопросы развития сельского, красного и экологического туризма. Сельский туризм способствует развитию деревни, улучшению ее инфраструктуры, обеспечивает рабочими местами сельских жителей. Красный туризм способствует ознакомлению граждан КНР с многочисленными достопримечательностями китайской революционной деятельности, обеспечивая идейно-патриотическое воспитание населения. В условиях обострения экологической ситуации в современном Китае особо важная роль отводится развитию экологического туризма. Таким образом, в группу потенциально-туристских районов КНР входят территории, на которых в ближайшие годы государство планирует создание туристских зон с развитием красного, сельского, экологического туризма. Кроме того, в туристских районах КНР основное внимание также будет уделено усовершенствованию инфраструктуры, в особенности транспортной.

Туристские проекты и планы в Северном, Восточном, Юго-восточном туристских макрорайонах КНР направлены на усовершенствование инфраструктуры туристских пунктов. В Центральном туристском макрорайоне реализуется план развития турбизнеса в городе Чанша на 2007–2020 гг., одобренный китайскими и зарубежными специалистами Всемирной туристской организации. План включает в себя программу дальнейшего развития туристского мезорайона Чанша по направлениям «микрорайон города Чанша», «микрорайон реки Сянцзян» и центров красного и экологического туризма. Также предполагается дополнительным центром сельского туризма сделать микрорайон реки Люян, а город Вэньцзяши, здание

Хуаминлоу, в котором жил Лю Шаоци (государственный деятель КНР, один из руководителей Коммунистической партии Китая, председатель КНР (1959–1968)), и деревня Хуэйтан будут местами красного туризма, горы Хэйми будут пунктом развития экологического туризма. Также здесь будет открыт исторический район Ян Кайхуэй (первой жены Мао Цзэдуна).

В Цинхай-Тибетском туристском макрорайоне реализуется план развития Тибетского района на 2005–2020 гг. В план входит проект развития на данной территории экологического и культурного туризма. Опираясь на специфические ресурсы данного макрорайона, планируется создать высококачественные туристские маршруты и специальные зоны туризма в 7 направлениях: историко-культурный туристский микрорайон с центром в Лхасе, туристский культурный микрорайон Шаньнань, где располагается Долина Ярлунг, туристский микрорайон Шигадзе сделать местом развития экологического туризма с туристским центром на горе Джомолунгма, туристский микрорайон горы Али Кайлаш и озера Мансаровар, туристский микрорайон Чамдо, лесной экологический туристский микрорайон Ньингчи и пастбищный экологический туристский микрорайон Нагчу. Также планируется открыть новый центр экологического туризма – туристский мезорайон Шангри-Ла, охватывающий территории Цинхай-Тибетского (Тибетский АР) и Юго-Западного (провинции Сычуань, Юньнань) туристских микрорайонов. Кроме плана по освоению новых туристских мезо- и микрорайонов, в данном туристском макрорайоне намечается также повысить уровень транспортной инфраструктуры. Для этого реализуется проект по улучшению состояния Цинхай-Тибетской железной дороги, строятся шоссейные дороги вдоль потенциально туристских районов.

В Северо-Восточном и Северо-Западном туристских макрорайонах планируется разработка проектов в приграничных направлениях, главным образом ориентированная на создание транспортных коридоров с соседствующими странами. На проведенном в 2009 году симпозиуме, организованном экономической комиссией НПКСК и НПКС провинции Цзилинь в городе Чанчунь, Госсоветом было утверждено освоение бассейна реки Тумэньцзян с преимущественным освоением и открытием городов Чанчунь, Цзилинь и Тумэнь. На территории Юго-Западного туристского района также намечена реализация ряда транспортных проектов.

Таким образом, все туристские макрорайоны имеют такие потенциальные направления развития сферы туризма, как красный, сельский и экологический виды туризма. Кроме того, на территории всех туристских макрорайонов проводится работа по совершенствованию транспортной и социальной инфраструктуры. По большей части правительством КНР делается акцент на освоение новых районов на территории отсталых и имеющих еще не разведанный ту-

ристский потенциал туристских макрорайонов, к которым можно отнести Цинхай-Тибетский, Северо-Западный, Центральный и Юго-западный туристские макрорайоны Китая.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

М. В. Яхонтова

**Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия**

Summary. The features of resources and industries of the Astrakhan region are investigated. Identified points of growth of the economy of the Astrakhan region.

Key words: social development; economic development; economic resources.

Современный этап эволюции российской экономической системы представляет собой стадию развития, основанную на изменении ресурсной, территориально-пространственной организации хозяйствования. Изменения обуславливают экономические и социальные сдвиги как в российской экономике в целом, так и составляющих ее регионах.

Социально-экономическое развитие в современных условиях определяется действием ряда экономических закономерностей. Во-первых, постоянно расширяющаяся структура ресурсов оказывает влияние на усложнение производственной функции: экономика приобретает новые факторы производства, диверсифицируются уже имеющиеся. Во-вторых, смещение приоритетов от производства общественного продукта к его обмену и распределению существенно изменяет отраслевую структуру экономики [2, с. 344–373].

Не меньшее практическое значение в обеспечении поступательного развития региона имеет создание собственных отличительных конкурентных преимуществ, основанных на специфических региональных особенностях, имеющихся внутренних ресурсах, динамических способностях и факторах экономического, социального, институционального развития.

Такие конкурентные преимущества, как уникальные ресурсные возможности, специфическая отраслевая структура экономики, создают собой определенную степень конкурентоспособности региона. Под конкурентоспособностью региона понимается способность обеспечивать благосостояние проживающего в регионе населения за счет совокупности факторов производства, институтов и мер экономической политики, определяющих уровень производительности региональной экономики [1, с. 128].

Конкурентные точки экономики Астраханской области, закладывающие собой основу ее конкурентоспособности, нашли свое отражение в Стратегии социально-экономического развития Астраханской области на средне- и долгосрочную перспективу [4, с. 57]. Точками роста конкурентоспособности Астраханской области являются следующие экономические и социальные процессы:

- формирование на Каспии российского центра управления международными торговыми потоками; центра сервисного обеспечения нефтегазового сектора;

- создание логистического центра международных транспортных коридоров;

- развитие индустрии гостеприимства.

Ключевыми направлениями социально-экономического развития Астраханской области стали:

- развитие транспортно-логистических структур;

- развитие судостроения в ориентации на рынок стран Каспия;

- стимулирование роста добычи газа и нефти в Волго-Каспийском бассейне;

- модернизация АПК и формирование агрокластера;

- модернизация рыбопромышленного комплекса, устойчивая экосистема, развитие аквакультуры;

- развитие предпринимательской активности граждан;

- формирование туристического кластера;

- развитие агломерации города Астрахани.

Таким образом, устойчивое социально-экономическое развитие Астраханской области может быть обеспечено за счет использования конкурентных преимуществ региона, заключающихся в особенностях ресурсной базы, отраслевого устройства экономики.

Библиографический список

1. Российское экономическое чудо: сделаем сами. Прогноз развития экономики России до 2020 года. – М., 2007. – 329 с.
2. Слива С. В. Развитие российской экономики: закономерности и тенденции // В мире научных открытий. – 2012. – № 6.1. – С. 344–373.
3. Стратегия социально-экономического развития Астраханской области на средне- и долгосрочную перспективу. – Астрахань : Министерство экономического развития Астраханской области, 2005. – 96 с.
4. Фетисов Г. Г., Орешин В. П. Региональная экономика и управление. – М. : Инфра-М, 2006. – 416 с.

II. ПОЛИТИКА, ПРАВО И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АБУ НАСР АЛЬ-ФАРАБИ

М. К. Мужде Чу
Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. Abu Nasr al-Farabi is an outstanding philosopher, scholar and lexicographer, the ancestor of the Arabic-language Iranian-rationalist and political philosophy, the spiritual mentor of many thinkers. He holds a special place in the history of social and political thought. Attractiveness of creativity al-Farabi is not only that it has developed a well-thought general philosophical system, but also in the fact that in his works for the first time clearly defined the fundamentals and principles of political philosophy.

Key words: Abu Nasr al-Farabi; the Arabic-language Iranian-rationalist and political philosophy; the history of philosophy.

Хотя со времени создания политической философии аль-Фараби прошло более 1100 лет, тем не менее его идеи и политическая философия во многом сохраняют свою ценность и имеют непреходящее значение для современных обществ. Ряд социально-этических трактатов Фараби посвящен учению об общественной жизни («Трактат о взглядах жителей добродетельного города», «Книга о достижении счастья», «Указание путей счастья» и другие небольшие трактаты). Опираясь на политические и этические идеи греческих философов, прежде всего Платона и Аристотеля, и используя социальные идеи Древнего Востока, Фараби разработал стройную теорию общественного устройства. Во главе добродетельных городов (ал-мадина ал-фазила) находятся правители-философы, выступающие одновременно и в роли предводителей религиозной общины. В добродетельных городах стремятся к достижению истинного счастья для всех жителей, господствуют добро и справедливость, осуждаются несправедливость и зло. Добродетельным городам Фараби противопоставляет невежественные города (ал-мадина ал-джахилия), правители и жители которых не имеют представления об истинном счастье и не стремятся к нему, а уделяют внимание только телесному здоровью, наслаждениям и богатству.

«Трактат о взглядах жителей добродетельного города» – одно из самых зрелых произведений аль-Фараби. Он создан в 948 году в Египте. Здесь содержится учение о «добродетельном городе», во главе которого стоит философ. Аль-Фараби полагает, что цель человеческой деятельности – счастье, которого можно достигнуть лишь при помощи

разумного познания. Общество мыслитель отождествлял с государством. Общество – тот же человеческий организм. «Добродетельный город подобен здоровому телу, все органы которого помогают друг другу, с тем, чтобы сохранить жизнь живого существа» [1, с. 65].

В центре философской системы ал-Фараби находится проблема человека, его интеллектуально-нравственное совершенствование, его стремление к достижению свободы, к личному и общественному счастью, поиск человеком лучшего будущего. Вопросы происхождения и функционирования человеческого общества, государства, его типов, форм управления, места и роли закона, принципы организации добродетельного государства, а также необходимые качества и свойства человека, наделенного властью [политического лидера], что актуализировалось в нынешних условиях, словом, все проблемы, которые волновали ал-Фараби и которые он поднимал в своих работах, принадлежат не только прошлому, многие его идеи актуальны и принципиально важны и сегодня. В этом плане исследование политической философии ал-Фараби представляется весьма актуальным [3, с. 279].

Исследование политической философии ал-Фараби приобретает большую актуальность в современных условиях усиления демократических преобразований, создания правового, светского государства, утверждения согласия в обществе. В этом отношении исследование политической философии ал-Фараби, особенно его учения о политике, о свободе, счастье, о необходимости взаимопомощи между людьми, его призыв к изучению наук, интеллектуально-нравственному совершенствованию человека и общества, чрезмерно актуализируется. Особенно актуальными сегодня остаются концепция мыслителя о политическом лидерстве, его идеи о добродетельном обществе, о справедливости, равенстве, сохранении мира, предотвращении войны, осуждение им несправедливых войн. В этом плане политическая философия и идеи мыслителя могут стать ценным источником при политическом воспитании подрастающего поколения [2, с. 639].

Разработанное ал-Фараби философское общественно-политическое учение, опирающееся на рационализм и направленное на поиск путей устройства справедливой и добродетельной жизни, изменение и преобразование имеющегося устройства, на политическое освобождение человека, раскрытие его духовного богатства и возможностей, обоснование гуманизма и ряд других положений были тем фундаментом, на котором формировалась и утверждалась на Среднем и Ближнем Востоке политическая философия.

Нужно подчеркнуть, что, хотя его идеи не получили реализации на практике в эпоху Средневековья, ал-Фараби обсуждение политических вопросов и нравственной проблематики поднял на уровень логических обобщений, тем самым заложив основы для начала

теоретико-методологического исследования в данной области. Проблематика, получившая свой импульс от философа, занимала очень важное место и пользовалась большим влиянием в философских и политических системах его единомышленников и последующих мыслителей, которые широко апеллировали к его учению для обоснования своих теоретических представлений. Последователи творчески развили его идеи в новых исторических условиях. Нужно подчеркнуть, что политические концепции последователей мыслителя представляют собой поступательное и прогрессивное движение политической философии по восходящей линии [4, с. 694].

Они также, как и ал-Фараби, предприняли попытки критического анализа общественно-политических процессов своего времени и существующих порядков. Однако как ал-Фараби, так и последователи философа осознавали невозможность претворения в повседневную практику данной эпохи своих идеалов. Тем не менее они обосновали положения и разработали принципы изменения существующего порядка. Именно в этом заключается их заслуга. Совпадающие моменты их учений – это гуманистическое и рационалистическое обоснование своих взглядов, что объясняется сходными историческими и политическими событиями. Однако при всей близости и схожести в их учениях сохраняется определенное различие: у каждого философа особое видение, своеобразный анализ и специфический подход к исследуемой проблеме, а также стремление определить дальнейшее развитие политической философии. Именно их теоретическими усилиями был дан импульс прогрессу в системе общественно-политических воззрений и расцвету всей системы общественных отношений. Учитывая все сказанное, не удивительно, что творчество ал-Фараби, особенно его политическая философия, привлекали пристальное внимание научной общественности, стали объектом изучения мыслителей разных эпох и вызывают заинтересованность у современных исследователей [5, с. 53].

Библиографический список

1. Рза Давари. Аль-Фараби – философ-культуровед. – Тегеран : Саги, 1998. – С. 65–78.
2. Шариф М. М. Ибрагим Мадкур Фараби: История философии в Исламе / пер. Али Мохаммед Кардан. – Тегеран : Данешгахи, 1993. – Т. 1. – С. 625–639.
3. Корден Х. История Исламской философии / пер. Асадулла Мубашири. – Тегеран : Амир Кабир, 1983. – С. 214.
4. Mahdi M. Alfarabi's Imperfect State // Journal of American Oriental Society. – 1990. – Vol. 110. – No. 4. – P. 694.
5. Madkour J. La place d'al-Farabi dans l'école philosophique musulmane. – 1934. – P. 50–55.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ВО ВНУТРЕННЕМ ПРАВЕ ИСЛАМСКИХ СТРАН

М. Г. Шарифи
Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. In all Muslim countries should ensure the implementation of the obligation of domestic law rules and obligations as defined by international law. The principles and provisions of international law must be clearly perceived and approved in the State.

Key words: international law; domestic law; the implementation of Muslim countries.

Идеи и инициативы по регулированию международной жизни выдвигались уже в XIII веке до нашей эры, однако в различных регионах их развитие не было одинаковым [2, с. 11; 5]. История как близких, так и далеких государств – это история войн и противостояний. Отметим, что исламская религия как раз и создала условия для формирования международного права, направленного на преодоление военного противостояния между странами. Международное право необходимо в целях обеспечения мира, справедливости и безопасности в мире. Эти цели реализуются посредством внутреннего права. Для лучшего взаимодействия этих двух важнейших составляющих правовой общественной системы необходимо обеспечить правильную технологию их функционирования. Прежде всего, необходимо обеспечить обязательность выполнения со стороны внутреннего права правил и обязательств, определенных международным правом. Принципы и положения международного права должны быть однозначно восприняты и утверждены на территории соответствующего государства [5, с. 299]. Для этого необходим суверенитет государства, в рамках которого можно принять тот или иной юридический акт. В международной практике данный процесс оценивается неоднозначно и реализуется в зависимости от опыта того или иного государства. Согласно Венской Конвенции от 1969 года (пункт 2.1. b), отношение государства к международному договору, определение степени обязательности последнего для государства определяются словами «ратификация», «одобрение», «признание», «присоединение».

Подобный же порядок существует и во внутреннем праве. В законе о порядке утверждения отдельными государствами международных актов, их исполнении или расторжении отмечается, что обязательность международного договора для государства может выражаться в подписании согласительного договора, обмене документами, составляющими суть договора, ратификации договора, приня-

тии его, утверждении его, или выражаться иными способами, которые выдвинуты сторонами-участниками соглашения.

Практика показывает, что различаются не только подходы в ратификации, но и в имплементации в целом. Рассмотрение ратификации как акта имплементации связано с наличием здесь внутреннего права [10, с. 70–71]. Ратификация может выступать как акт имплементации в случае подписания договора или в случае утверждения его после подписания. Ратификация необязательна для всех международных договоров. Во внутреннем праве различают договоры, которые нуждаются в ратификации или, напротив, не нуждаются.

В ряде исламских стран, в том числе в Мавритании, Сирии, Египте, Ливии и др., согласно устройству законодательной системы, и прежде всего Конституции, парламенты обладают полномочиями ратификации международных договоров, подписанных органами исполнительной власти и главой государства. Среди подобных договоров можно указать на мирные договоры, договоры о союзнничестве, о международных организациях, договоры, регулирующие расходы государственных финансов, о государственной границе, и проч. Обычно идею ратификации документа выдвигает глава государства или правительство. Прежде, чем ратифицировать документ, свой отзыв о нем дает комитет по внешней политике, изучив его текст и передав затем в законодательный орган для ратификации.

Не только в момент ратификации, но и при имплементации в целом различия в практике характерны и для мусульманских стран. Иранский правовед Н. Катозийан связывает это с различиями в культуре имплементации, а также с различиями в правовой исламской системе в целом при восприятии международных правовых норм [1, с. 231].

В целом различия при применении международных правовых норм во внутригосударственном праве характерны для всех правовых систем. Как уже отмечалось, международное право не определяет способов и средств имплементации. Эта проблема решается в рамках внутреннего законодательства государств. Поскольку здесь различаются средства и способы имплементации, постольку даже в конституционном порядке здесь в наличии различия в процедуре признания, в терминологии и т. д.

Реализация международных правовых норм, методов имплементации зависит от правовой системы государства, а также правового характера международных норм. Исследователи отмечают, что реализация международных норм возможна в принципе лишь с участием национального законодательства и национального суда, формы же реализации зависят от содержания правовых норм, отраженных в конституции каждой страны [4, с. 18–19].

Имплементация – это реализация или осуществление международной правовой нормы [3, с. 102]. Наряду с этим термином ис-

пользуются и другие, такие как трансформация, рецепция, национально-правовая имплементация, ссылка, внедрение, адаптация, инкорпорация и т. д. [6, с. 86–87; 4, с. 19; 10, с. 74, 84]. Для перевода международных норм на «язык» внутреннего права используют возможности трансформации, как официальные, так и неофициальные, как автоматические, так и неавтоматические, как общие, так и частные [8, с. 51–52]. К примеру, общая трансформация характерна для Великобритании. В целях узаконивания процесса имплементации внутри государства принимается особый государственный акт [6, с. 116].

Есть договоры, которые по своему характеру требуют проведения в жизнь со стороны государства конкретных законодательных мер. Так, согласно IV пункту Конвенции от 1973 г. о предотвращении преступлений на почве апартеида и наказании за них тех, кто обвинены в данном преступлении в государствах-участниках, согласно II пункту Конвенции о привлечении к суду тех, кто обвинен в совершении указанного преступления или совершил его, – государства-участники должны взять на себя обязательство принять соответствующие законодательные меры [9, с. 63]. То же самое можно сказать и о международных обязательствах, связанных с геноцидом.

Указанные формы имплементации характерны и для правовых систем мусульманских стран. Однако здесь ссылки на международное право носят более общий характер, и в большинстве случаев подтверждаются конституционными принципами. В данных странах конституционные принципы, связанные с зарубежными отношениями, отличаются своей глубиной и разнообразием. В некоторых случаях эти принципы обосновывают основы внешней политики страны как более значимой и фундаментальной, а в других – выражаются в конкретных международно-правовых обязательствах.

В современный период мусульманские страны стремятся все больше укрепить свои взаимосвязи и отношения со многими странами мира, в том числе с европейскими странами. Это в свою очередь способствует сближению законодательств стран, создает условия для восприятия стандартов относительно прав человека Европы. Вместе с тем, как видно из всего вышеизложенного, здесь имеется ряд проблем, ожидающих своего решения.

Библиографический список

1. Катозийан Насер. Философия права. – Тегеран, 2009 (на перс. яз.).
2. Зеки Месуд Аслан. Право новых государств. Анкара : Изд-во Гюней матбаатчылыг, 1951 (на турецк. яз.).
3. Аметистов Э. М. Международное право и труд (факторы имплементации международных норм о труде). – М., 1982.
4. Гусейнов Л. Г. Конституция Азербайджанской Республики, права человека и международное право // Международное право. – 1998. – № 1. – С. 18–19.
5. Курс международного права. В 7 т. – М., 1989.

6. Международное право. Словарь-справочник. – М., 1998.
7. Мюллерсон Р. А. Соотношение и взаимодействие международного публичного, международного частного права и национального права // Советское государство и право. – 1982. – № 2. – С. 85–86.
8. Мюллерсон Р. А. Новые тенденции соотношения международного и национального права // Международное и внутригосударственное право: проблемы сравнительного правоведения. – Свердловск, 1984. – С. 51–52.
9. Права человека : сб. междунар. договоров. Т. I. Универсальные договоры. – М., 1997.
10. Самедов М. Н. Имплементация международно-правовых норм в пределах юрисдикции государств. – Баку, 2002.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ МИРА

С. В. Адамович

**Гродненский государственный университет
им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь**

Summary. Article is devoted to a problem of preservation of the national sovereignty in the conditions of globalization. Special value, in the modern world the regionalization tendency gets.

Key words: national sovereignty; globalization; regionalization.

Проблема национального суверенитета давно является предметом пристального внимания философов, политологов, социологов, юристов в силу ее междисциплинарности. Между тем институционально-правовой анализ национального суверенитета в контексте глобализации видится в современных условиях наиболее актуальным, т. к. процессы глобализации неизбежно воздействуют на эволюцию понятия «суверенитет», изменяя его реальное содержание.

Ученые и эксперты активны в своих версиях по поводу того, что придет на смену национальному государству, кто станет наследником части его суверенитета. Одни полагают – мировое правительство, другие – цивилизации, третьи – регион-государство, четвертые – корпорация-государство. Моделей много, очевидно одно: существование и развитие современного национального государства, мутация категории суверенитета напрямую связаны с глобализацией. Глобализация не только меняет социоэкономическую и политическую картину мира, но и трансформирует внутреннюю сущность суверенитета, изымая у государства функции организации и управления физическим пространством. Речь идет о формировании новых подходов и центров управления, возникновении новых средоточий экономической власти и могущества, легитимной глобальной интервенции [3, с. 101].

В связи с этим необходимо отметить, что в начале XXI в. процессы глобализации, регионализации и локализации идут как взаимодополняющие друг друга, формируются региональные центры экономического, политического и культурно-цивилизационного характера [1, с. 13]. Все это говорит в пользу того, что в ситуации ужесточения глобальной конкуренции на мировых рынках подавляющее большинство государств нашей планеты могут сохранить суверенитет и политическую субъективность только в союзе с другими государствами путем создания коалиции государств, позволяющей успешно противостоять давлению глобальных монополий и прочим глобальным опасностям и кризисам.

Реальным «ответом» на «вызовы» глобальной геополитической либерализации становятся существенный рост регионализации – попытки путем региональной экономико-политической изоляции защититься от нестабильности мирового рынка, от всеподавляющего влияния мировых финансовых центров, ТНК и поддерживать конкурентоспособность национальных экономик, а также распространение сепаратизма и усиление военно-политической активности во всем мире [2, с. 88].

Библиографический список

1. Зеленева И. В. Роль национального государства в мировой политике. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009.
2. Петров А. В. Глобализация и социальные основы экономического суверенитета России // Общество. Среда. Развитие. – 2009. – № 1.
3. Пономарева Е. Г. Суверенитет в условиях глобализации. Понятийная категория и политическая практика // Свободная мысль. – 2007. – № 11.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВИДОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Е. А. Зинина, К. В. Тишкина, М. Ю. Чепракова
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. This article explores concept of "political capital" and the manifestation of his different types (political capital parties, leaders, state, etc.) on the basis of the published materials placed in the Internet for 2007–2012. The method of study is a content analysis of the texts. On the basis of the analysis of the conclusions were made about the frequency of their occurrence and the popularity of certain types of political capital.

Key words: political capital; a political leader; region.

Политический капитал является формой символического капитала, кредитом, основанным на вере и признании, объективной связи с реальностью (правдивостью) и авторитетом его носителя.

Видами политического капитала выступают личный и делегированный капитал.

Личный капитал, который основан на факте «быть известным» и «лично признанным», а также определенном наборе специфических качеств, выступающих залогом необходимой репутации, часто бывает результатом реконверсии капитала известности, накопленного в других областях, в частности профессиональных. Он исчезает вместе с его носителем – человеком.

Делегированный капитал является результатом ограниченного и временного переноса капитала, принадлежащего институции и контролируемого ею. Как правило, в парламентских демократиях такой институцией выступает политическая партия [1, с. 251].

Политический капитал, как и любой капитал вообще, имеет свою достаточно сложную структуру. Основные его элементы – это:

1) личностный политический капитал (т. е. капитал личных потенций, обаяния, способностей, известности, популярности как среди избирателей, так и среди элиты и т. д.);

2) финансовый политический капитал (т. е. объем денег, который может быть направлен на определенных условиях на повышение электоральных возможностей того или иного политика);

3) массмедийный политический капитал (т. е. возможность использовать собственные, либо чужие – как друзей, так и врагов – массмедиа для достижения собственных тактических и стратегических целей).

4) административный политический капитал (т. е. все те административные средства, что могут быть задействованы для продвижения претендента на президентскую должность);

5) политический капитал международной поддержки (т. е. личные связи политика с зарубежными лидерами и элитами, которые можно эффективно задействовать в предвыборной и выборной ситуациях) [2, с. 24].

А. А. Галкин выделяет три группы политического капитала по уровню устойчивости, в зависимости от происхождения. Первую составляет политический капитал, уходящий корнями в сложившиеся веками традиции и подпитываемый устойчивыми верованиями. Ко второй группе отнесен капитал, связанный с институционально-бюрократическими режимами постмонархического типа, – он обладает меньшей, но достаточно высокой устойчивостью. Капитал третьей группы автор, следуя П. Бурдье, называет заемным политическим капиталом – в его основе лежит кредит доверия общества различным политическим силам. «Заемный политический капитал может быть рациональным, основанным на взвешенной оценке возможностей новой политической силы, или иррациональным, отражающим лишь неприятие существующих порядков и стремление к переменам, вне зависимости от их содержания. Однако в обоих

случаях это, прежде всего, аванс, который нуждается в закреплении. Естественно, что такой капитал наименее устойчив. При благоприятных обстоятельствах получить его сравнительно несложно» [3, с. 54].

Для рассмотрения и наиболее полного раскрытия понятия «политический капитал» нужен комплексный анализ материалов различного характера. Были изучены те источники, в которых содержится информация относительно основных вопросов данного понятия. Кроме того, было проанализировано несколько интернет-сайтов и научных работ.

Был проведен контент-анализ заголовков интернет-страниц, содержащих словосочетание «политический капитал». При исследовании использовалась поисковая система «Яндекс». Полученные данные были распределены на виды политического капитала с указанием года и частоты появления сообщений о данном виде политического капитала в сети Интернет.

Общее количество найденных материалов – 52, что говорит о непопулярности данного понятия среди российского населения. Данное понятие более известно среди людей, непосредственно связанных с политикой: руководителей высших эшелонов власти, ученых-политологов и журналистов, освещающих события политической жизни.

Далее, обращаясь к конкретным видам политических капиталов, можно заметить следующее.

Во-первых, наибольшее количество статей было найдено по теме «Политический капитал государства в международных политических отношениях», что свидетельствует о повышенном интересе читателей интернет-новостей к внешней политике государств. Также это можно связать с активной политикой нашего государства на международной арене, а если рассматривать более узко, то с действиями правящей партии, стремящейся заработать политический капитал международной поддержки.

Во-вторых, не было найдено ни одной статьи, содержащей информацию о следующих видах политического капитала: политический капитал общественных движений, политический капитал некоммерческих организаций, политический капитал российской политической элиты, политический капитал социальных слоев или групп. Для характеристики данного результата можно использовать цитату В. Кемерова (Философская энциклопедия. Изд-во «Панпринт», 1998): «Политический капитал рассматривается в совокупности как общественное признание заслуг субъекта политической деятельности, богатство взаимосвязей в социальном пространстве, наличие общественной поддержки и осознанной платформы в политической деятельности». Следовательно, в нашем государстве у таких субъектов, как общественные движения, некоммерческие организации, российская политическая элита и социальные слои и

группы, такие признаки отсутствуют или слабо выражены. Впрочем, вялая политическая активность этих субъектов никого не удивляет и является следствием низкой правовой культуры населения нашей страны и советской ментальностью.

На втором месте по количеству находятся статьи о политическом капитале, связанном с формированием имиджа политического лидера. Для полноценного анализа данного результата необходимо выяснить, что вообще может означать для политического лидера накопление собственного политического капитала. Согласно Р. Мюнху [4, с. 159–177], «собственный политический капитал – это, во-первых, обладание монополией на насилие в виде полиции и армии. Это поддержка и сотрудничество членов правительства, партийных и административных аппаратов, которые разрабатывают и реализуют общеобязательные решения. Это распределение налоговых поступлений для финансирования всего государственного аппарата и обеспечения разработки и реализации решений. Это мандаты на принятие общеобязательных решений, наличие легитимного права на использование политической власти в конституционных рамках. Наконец, это легитимность самих решений, их соответствие целям и задачам, которые декларируются Конституцией.

Собственный политический капитал хотя и базируется, прежде всего, на государственной монополии на насилие, но он основывается также на поддержке, сотрудничестве, денежных ресурсах и легитимности. Сама по себе монополия на насилие была бы слишком узкой базой для нынешнего объема государственной деятельности по управлению общественными процессами». Таким образом, мы видим, что собственный политический капитал это достаточно мощное орудие в руках политического лидера. В найденных мною статьях журналисты преимущественно негативно оценивают поведение властей в области накопления политического капитала, они считают, что он растрачивается неразумными действиями правящей коалиции, а оппозиционные партии недостаточно сильны, чтобы накопить хоть немного. Можно добавить также, что во всех этих статьях уделяется много внимания политическому капиталу действующего президента РФ, причем встречаются довольно противоречивые мнения о том, накапливает или растрачивает свой капитал этот политический лидер.

Третье место занимает политический капитал партии, имеющей фракцию в Госдуме. Это можно объяснить предвыборной борьбой между партиями. Каждая партия стремится обвинить своих оппонентов в нечестном накоплении политического капитала, хотя категории честности и справедливости в данном контексте совершенно размыты. Также встречаются статьи о деятельности иностранных политических партий, например Армении. Интерес к по-

литическим событиям в этой стране можно объяснить недавно произошедшим конфликтом с Азербайджаном.

Следующий в списке – политический капитал личности (2 статьи). В принципе статьи по данной тематике схожи со статьями о формировании имиджа политического лидера. Читателям новостных лент интересно знать о различных шокирующих высказываниях и действиях какого-либо известного человека. И вне зависимости от того, негативной или позитивной будет оценка действий данного человека, он таким образом накапливает свой политический капитал.

Завершают список следующие темы, на которые нашлось по одной статье: политический капитал организации, политический капитал СМИ, теоретические концепции политического капитала. Что касается политического капитала организаций и СМИ, эти два субъекта в последнее время действительно бывают политически активны и, возможно, в скором будущем будут иметь еще большее влияние на остальных субъектов, накапливающих политический капитал. Говоря же о теоретических концепциях политического капитала, можно отметить, что такая область науки, как политология, в России понемногу развивается, и субъекты, связанные с политикой, постепенно начинают осваивать новые методы накопления политического капитала, опираясь не только на свой опыт, но и на зарубежные методики, как успешно опробованные на практике, так и существующие лишь в теории.

Необходимо отметить, что за последнее время на сайтах появляется множество информации о политическом капитале. Также различные ученые рассматривают важные аспекты, касающиеся политического капитала нашей страны. Такими авторами являются П. Бурдые, Д. Выдрин, И. Рожкова, О. Горелов, О. Крыштановская, А. Вырковский, В. Бегер и др.

Исходя из проведенного контент-анализа, можно определить и условно выделить основные виды политического капитала, о которых упоминается в Интернете:

- 1) формирование имиджа политического лидера;
- 2) политический капитал государства в международных политических отношениях;
- 3) политический капитал партии, имеющей фракцию в Госдуме;
- 4) политический капитал личности;
- 5) политический капитал организации;
- 6) политический капитал общественных движений;
- 7) политический капитал некоммерческих организаций;
- 8) политический капитал СМИ;
- 9) теоретические концепции политического капитала;
- 10) политический капитал российской политической элиты;
- 11) политический капитал социальных слоев или групп.

В результате проведенного контент-анализа были выявлены темы, которые чаще других встречаются в Интернете, а значит, являются наиболее популярными. К таким темам относятся:

- формирование имиджа политического лидера;
- политический капитал государства в международных политических отношениях;
- политический капитал общественных движений;
- теоретические концепции политического капитала.

Тема	Годы	Частота появления
1. Формирование имиджа политического лидера	2005–2011	7
2. Политический капитал государства в международных политических отношениях	2006–2012	9
3. Политический капитал партии, имеющей фракцию в Госдуме	2003, 2009–2012	8
4. Политический капитал личности	2007, 2011, 2012	6
5. Политический капитал организации	2010	3
6. Политический капитал общественных движений	2007, 2010	2
7. Политический капитал некоммерческих организаций	2012	1
8. Политический капитал СМИ	2009, 2011	3
9. Теоретические концепции политического капитала: Политическое представление. Элементы теории политического поля. Политические позиции и культурный капитал (Пьер Бурдье). Оборотный политический капитал (О. Горелов). Политический капитал (А. Вырковский)	2007, 2008, 2009, 2011	7
10. Политический капитал российской политической элиты	2004, 2011, 2012	3
11. Политический капитал социальных слоев или групп: Интеллигенция и культурный капитал в российской политике: точки пересечения. Социум как полевая структура. Политическое поле.	2009, 2011	3

Подводя итог анализу названных выше тем, можно сделать вывод, что за последние годы в Интернете вопросам политического капитала было посвящено достаточно большое количество статей. Это говорит об активной деятельности органов власти по данному направлению.

Политический капитал рассматривается в совокупности как общественное признание заслуг субъекта политической деятельности, богатство взаимосвязей в социальном пространстве, наличие общественной поддержки и осознанной платформы в политической деятельности. Показано, что политический капитал зависит от общей культуры (культурного капитала) и интеллектуального капитала субъекта политической деятельности.

Но даже такого небольшого количества информации, касающейся политического капитала, достаточно, чтобы выяснить общую картину отображения данного терминологического института в мыслях и трудах специалистов данной сферы.

В большинстве своем «политический капитал» рассматривается в аспекте политических событий, происходящих в стране (выборы, предвыборные кампании, активность избирателей), также активно он используется в темах экономической направленности современности (утечка капиталов за границу в связи с политической нестабильностью в стране, проблемы, связанные со вступлением России в ВТО), уделяется внимание и политической капиталу личности, и политическому капиталу российской политической элиты. К сожалению, не нашлось информации, касающейся политического капитала социальных слоев и групп, а также политического капитала организаций. При этом данный феномен не говорит о низком уровне деятельности или активности данных общественных институтов. Это во многом объясняется отдаленностью Web-страниц. И поэтому можно предположить, что на первых Web-страницах информация, касающаяся политического капитала социальных слоев и групп, а также организаций, имеется.

Подводя итог проведенному исследованию, хочется отметить, что понятие «политический капитал» – неоднозначное и многоаспектное, требующее детального рассмотрения и анализа. Многоаспектность данного понятия объясняется многогранностью и разнообразием общественных отношений (политических, экономических и т. д.), нестабильностью и ступенчатостью развития различных областей современного общества.

Библиографический список

1. Пьер Бурдьё. Политические позиции и культурный капитал // Социология социального пространства. – М. : Интэксперим. Социологии, 2005. – 288 с.
2. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 4. – 230 с.

3. Галкин А. А. Дефицит политического доверия и пути его преодоления // Власть. – 1998. – № 11. – 361 с.
4. Политическая власть как средство коммуникации. Richard Munch. Politische Macht als Medium der Kommunikation // Richard Munch. Dynamik der Kommunikationsgesellschaft Suhrkamp. – Frankfurt am Main, 1995. – S. 159–177.

ИНФРАСТРУКТУРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ АСИММЕТРИЧНО РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ РЕГИОНА

М. Ю. Казаков
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия

Summary. The article proposed as a tool to use the new space policy researcher construct – Infrastructure for Spatial Development. The definition of the spatial development of the infrastructure, and provides methodological position to develop targeted programs for its formation at the level of regional actors.

Key words: region; spatial development; infrastructure of spatial development.

Равномерное деполяризованное развитие региона как генеральная цель современной пространственной политики, реализуемой на уровне субъектов, осложняется не только тенденциями централизации и сужения экономического пространства, но и существенной, а в некоторых регионах беспрецедентной «оторванностью» периферийных и полупериферийных территорий от административно-экономических центров. Это приводит к дальнейшему нарастанию центростремительных тенденций в региональном контексте; население, вследствие недостаточности доступа к основным социально-экономическим благам, тяготеет к центральным территориям, что ведет к опустыниванию экономического ландшафта.

Одним из ключевых направлений совершенствования современной пространственной политики регионального развития является формирование и использование особой группы инфраструктурных объектов – инфраструктуры пространственного развития. Это позволяет в контексте сетизации экономики обеспечить синхронизацию пространственно-экономических процессов функционирования центра, полупериферии и периферии, осуществить переход от сфокусированно-селективного к тотальному центропериферийному развитию региона, тем самым сгладить негативные центростремительные тенденции.

При этом следует понимать, что процессы инфраструктуризации пространственного развития региона должны осуществляться не только в направлении улучшения доступности, открытости и контактности отдельных (в первую очередь периферийных) терри-

торий, а предусматривать наряду с этим формирование инфраструктурных объектов, способствующих актуализации деятельности новых секторов локальной экономики, повышению ее инвестиционно-инновационной привлекательности. То есть от уровня инфраструктурной обеспеченности процессов взаимодействия центра и периферии зависит решение задач региональной пространственной политики, повышения конкурентоспособности экономики территорий, их включенность в современную постиндустриальную парадигму регионального развития.

Следует также отметить, что сама роль инфраструктурного элемента пространственной политики в XXI веке существенно трансформировалась. И если функция инфраструктуры пространственного развития ранее сводилась преимущественно к обеспечению местных связей, то сейчас на первый план выходят ее транзитная, ретрансляционная и экспансионная функции. Этим во многом и обусловлено повышение значимости инфраструктуры пространственного развития в рамках постиндустриальной парадигмы регионального генезиса, характеризующейся увеличением доли виртуально-бесконтактных элементов экономического пространства. Развитие сети пространственной инфраструктуры определяет скорость и интенсивность контактов разобщенных локалитетов периферии с полупериферийными зонами и центром, влияет на динамические параметры обмена товарами и услугами, детерминирует возможности освоения новых территорий и ресурсов, улучшает инвестиционную привлекательность территорий и благоприятствует росту качества жизни населения.

Следование постиндустриальной парадигме регионального развития на первый план выводит инфраструктурные услуги, связанные с обеспечением деятельности трудоемких, нематериалоемких, наукоемких производств, предприятий малого и среднего бизнеса. Развитие рыночных отношений в пространстве российских регионов трансформирует территориальную структуру хозяйства и схемы расселения, ранее формировавшиеся в контексте централизованного управления и директивного планирования. В условиях постиндустриального же развития коммуникационный фактор является доминантным в территориальной организации экономики.

Организационно-экономические мероприятия по обеспечению региональных процессов пространственного развития соответствующей инфраструктурой необходимо ориентировать не только на эндогенные, но и на экзогенные связи субъектов. В этом случае центробежные (в контексте территориализации) тенденции нивелируются центростремительными. В этом процессе значимую роль играет не только транспортно-логистический сегмент инфраструктуры (магистраль, интермодальные коридоры и т. д.), но и инфраструктура коммуникационная. Это обстоятельство в значительной мере

детерминировано низким уровнем развития самих внутрирегиональных дорожных сетей, отсутствием устойчивых связей между центром и периферией, а иногда и между соседними населенными пунктами.

Исходя из этого, инфраструктуру пространственного развития региона мы определяем как функционально и фрактально согласованную совокупность различных видов транспорта, физических и виртуальных коммуникационных сетей, консолидированных выполнением комплекса пространственно-связующих функций с целью нивелирования центростремительной стратификации.

Комплексная программа формирования инфраструктуры пространственного развития должна предусматривать достижение не только оперативных целей, но и целевых установок стратегического порядка. Подобные цели должны формулироваться во взаимоувязке с перспективами пространственной политики развития региона. В качестве таковых можно сформулировать следующие:

- 1) эффективное использование экспансионного и транзитного потенциала внутрирегиональных территорий;
- 2) равномерное и оперативное распространение технологий, знаний и инноваций по территории региона;
- 3) активное содействие развитию постиндустриальных форм организации производства;
- 4) развитие кластерных инициатив и альтернативного комплексобразования;
- 5) развитие полиаспектных связей отсталых депрессивных территорий периферии с региональными точками и зонами роста;
- 6) развитие локальных рынков и их связей с региональным рыночным пространством [1, с. 146].

Кроме того, подобные целевые установки должны быть конкретизированы с учетом выводов предварительной аналитической работы, которая представлена:

- анализом процессов сужения экономического пространства;
- анализом уровня централизации экономического пространства региона;
- анализом разорванности (фрагментации) экономического пространства региона;
- анализом открытости и контактности экономики территорий.

Для решения сформулированных задач в области формирования инфраструктуры пространственного развития необходима долгосрочная целевая программа. Актуальность данного предложения определяется тем обстоятельством, что в настоящее время регионы не имеют не только подобных программ, но и собственной политики пространственного развития. Составление комплексной целевой программы формирования инфраструктуры пространственного развития сложное в методическом и организационном плане меро-

приятие. В связи с этим считаем, что деятельность органов регионального менеджмента по разработке концептуальной основы подобной программы целесообразно осуществлять в следующей последовательности (рис. 1).

Рис. 1. Последовательность этапов разработки целевой программы формирования инфраструктуры пространственного развития региона

Библиографический список

1. Пространственное развитие региона: анализ, проблемы, перспективы : монография / Е. В. Бережная, А. Н. Бобрышев, М. Ю. Казаков, А. А. Мирохина, О. В. Бережная. – Москва : Буки Веди, 2012. – 205 с.

ЭФФЕКТИВНОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ СУДОСТРОЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. В. Новиков, В. В. Волостных

**Институт судостроения, морской и арктической техники
Северного (Арктического) федерального университета,
г. Северодвинск, Архангельская область, Россия
Санкт-Петербургский государственный морской
технический университет, г. Санкт-Петербург, Россия**

Summary. This article is devoted to the problems of regional economy that grow from the inefficiency of strategic management of the leading manufacturing companies (as an example the shipbuilding companies of Arkhangelsk region are observed). Sectoral strategic management features are reviewed.

Key words: strategic management; regional economy; sectoral strategic management features.

Традиционно одним из важнейших направлений экономики Архангельской области является судостроение, крупнейшие представители которого сконцентрированы в основном в городе Северодвинске (так, в советские годы одно только предприятие «Севмаш» давало около трети доходной части областного бюджета). К сожалению, по разным причинам этому направлению в последние годы отдавалось мало предпочтения на региональном уровне – основное внимание уделялось таким «экспортным» направлениям, как добыча и переработка древесины. Основная причина – в кризисном состоянии отечественного судостроения, которое нуждается в серьезной перестройке, качественном обновлении. Кроме этого, гораздо проще заниматься переработкой леса и отправлять фактически природный материал за границу¹. Между тем именно в судостроении сконцентрирована основная часть научного и промышленного потенциала Архангельской области, а отсутствие должного внимания к этой сфере со стороны властей и хронический кризис судостроительных предприятий ведут к продолжению деградации отрасли. Попытки создания «вертикально-интегрированных структур» (так называемой «Объединенной судостроительной корпорации», или ОСК) в этой сфере путем объединения фирм и организации единого аппарата их управления пока так и не привели к ожидаемой реструктуризации судостроительных компаний. При этом

¹ Иногда недостаточность местной переработки исходного сырья ведет к совершенно нелепым ситуациям, когда лес продается, скажем, в Финляндию, а последняя продает России бумагу для принтеров, изготовленную из российского сырья. Понятно, что основная добавленная стоимость в этом случае остается в Финляндии.

помимо существовавших проблем руководство фирм, входящих в ОСК, получило дополнительную «головную боль» в виде некомпетентных указаний со стороны руководства корпорации, которое выглядит совершенно «оторванным» от производственных дел в рамках отдельных подчиненных компаний. В последние годы начала складываться порочная практика, когда согласования по ценам на государственные оборонные заказы проходят без учета мнения фирм-производителей¹, т. е. на основе односторонних интересов государства в области снижения стоимости оборонных заказов. Вместе с тем, подобные действия должны сопровождаться мерами по реструктуризации фирм, входящих в корпоративное объединение; в противном случае мы получим продолжение истории с неконтролируемым разрушением производственных мощностей предприятий, имевшим место в последнее десятилетие прошлого века. Таким образом, можно констатировать наличие серьезной проблемы в управлении одной из ведущих отраслей Архангельской области – судостроении, где многое накапливалось десятилетиями, и модернизация региона невозможна без разрешения кризисной ситуации в этой отрасли.

Очевидно, что проблемы судостроительной отрасли региона имеют место по некоторым системным причинам, самой главной среди которых остается несовершенство систем стратегического управления предприятием (стратегическое управление рассматривается как управление развитием организации)².

В советское время вопросы развития того или иного предприятия были прерогативой Госплана и освещались решениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Целеполагание носило линейный характер, основывалось на оценке потребности в продукции. Под эту задачу выделялись ресурсы, назначались соисполнители, формировалась кооперация, распределялась продукция и т. д. Таким образом, развитие всегда было прогрессивным, а его безрисковость гарантировалась системой балансов. Основными врожденными пороками такой системы были негибкость, слабая адаптивность и,

¹ Так, руководством ОСК в 2011 году был подписан контракт за руководство компании «Севмаш». При этом, собственно говоря, вызывает определенные сомнения наличие лицензии у ОСК на подписание подобных договоров.

² Серьезные проблемы имеются и в оперативном управлении производством, и в управлении трудовыми ресурсами и др. К сожалению, можно констатировать, что в современных условиях управление предприятием является во многом фрагментарным, в котором те же данные производственного и бухгалтерского учета берутся из разных источников и могут далеко друг другу не соответствовать. Отдельные виды управления на предприятии не имеют признаков преемственности, осуществляются раздельно друг от друга, что не способствует формированию целостного представления об управляемом объекте. В данной работе ограничимся рассмотрением стратегического управления, поскольку именно в нем имеются наиболее серьезные проблемы.

увы, низкая ресурсная эффективность производства¹. Впрочем, эти недостатки многократно преувеличивались малокомпетентными критиками, уповавшими на «невидимую руку рынка».

Обретшие (около двадцати лет назад) свободу руководители фирм обнаружили, что вместо понятной и надежной прямой линии они оказались в многомерном пространстве, имеющем свыше десятка координат, из которых можно упомянуть такие, как рыночная позиция, продукт, ресурсы, производственные мощности, ресурсная эффективность производства и др. Независимо от того, каким целевым индикатором пользоваться (прибыль, капитализация, обороноспособность страны, экологичность производства), стратегическое планирование развития предприятия сводится к выбору траектории перемещения управляемой системы и исходного пункта в намеченный (в n-мерном пространстве). При этом по каждой из координат намеченная траектория не должна попадать в зоны риска, угрожающие существованию системы, а инструменты управления должны быть достаточно действенными, чтобы предотвращать опасные отклонения в процессе выполнения плана.

Поскольку у практиков не было компетенции для решения таких задач, то они искали ответа у науки, создав спрос на соответствующие знания. Научный сектор отреагировал потоком переведенных с английского языка литературных источников, которые мало помогли менеджерам реального сектора: выяснилось, что сама теория стратегического управления далеко не совершенна. Прежде всего, на это указывает частая смена парадигм: за полвека существования теории стратегического управления сменилось четыре доминирующих концепции – планирования (И. Ансофф), позиционирования (М. Портер), ресурсная (К. Прахалад) и динамических способностей (Х. Такеучи). Это говорит об индуктивном подходе западных ученых к проблеме, когда действующие менеджеры во множестве формируют частные подходы и концепции стратегического управления, а ученые лишь выбирают подходящие под исповедуемую парадигму, систематизируют и объясняют. В России, с медленно деградирующей экономикой, в которой крайне мало положительных примеров стратегического управления, напротив, налицо потребность в дедуктивном использовании теоретических положений

¹ Собственно, жесткость управления приводила и к структурной жесткости организаций, в которых применялась цеховая организация производства, ориентированная на стабильный спрос на продукцию фирмы, отсутствие резких колебаний и полную загрузку производственных мощностей. Падение же спроса на продукцию фирмы приводило к резкому росту себестоимости производства изделий, проблема которого обычно решалась ценой разрушения части производственных мощностей предприятий, автореструктуризации [1; 2]. Одновременно возникали и проблемы целостности управления предприятием, не разрешенные до сих пор.

ний, т. е. доведение их не только до методологического, но и до методического уровня классификации, формирование нормативной базы, предоставление практических рекомендаций.

Препятствует этому некритическое восприятие российской общественностью представлений о возможности устойчивого саморазвития порядка из хаоса, идеи всеобщего прогресса общества. Абсолютно устойчивая система в принципе не может развиваться, поскольку в ней невозможны изменения. Неустойчивая же система, напротив, очень изменчива, но требует активного управления. Поэтому речь может идти лишь об одновременном управлении как устойчивостью, так и изменениями в целях движения системы по заданному вектору развития. Иными словами, управление функционированием и развитием организации должны быть тесно связаны: устойчивость предприятия возможна при успешном функционировании, получении положительных финансовых результатов, здесь крайне важно сохранение достигнутого уровня развития. При этом развитие является необходимой предпосылкой для устойчивости предприятия в будущем.

Если обратиться к реалиям сегодняшней жизни, то становится возможным для начала произвести отраслевую типизацию развиваемых объектов, как в современном состоянии, так и в желаемом, отобразив все это в n -мерном пространстве состояний. На этой основе уже легче наметить зоны риска, а значит – и построить рекомендованные траектории векторов развития. Не все и сразу удастся довести до количественных нормативов, но достаточно и качественного представления о сути управляемого процесса. После этого уже возможно перейти и к формированию механизма управления предприятием и в первую очередь аппарата управления. Правильное решение позволит быстро включить в решение задачи интеллектуальный потенциал самого предприятия. Таким представляется путь российской науки к решению задач управления развитием предприятий.

Если кратко рассмотреть в этой связи судостроение, то можно отметить следующие его параметры, серьезно влияющие на стратегическое управление:

- высокая длительность производственного цикла (2–3 года и более) ведет к необходимости учета факторов внешней среды, как

минимум, на этот период времени¹. То же касается и планирования, поскольку будущее судно должно быть через несколько лет конкурентоспособным в своей сфере использования;

- жесткие отраслевые стандарты технологии производства, определяемые в настоящее время как отраслевой наукой, так и фактическими условиями на самих предприятиях². Данное обстоятельство серьезно тормозит внедрение инноваций в отрасли, требуется переосмысление роли отраслевой науки в судостроении, для повышения экономической эффективности необходима также разработка подготовки производства и технологического процесса на многовариантной основе;

- доминирование крупных фирм в судостроительном бизнесе, поскольку судно представляет собой технически сложное, массивное изделие с большим количеством разнородных элементов;

- быстрое непредсказуемое изменение параметров внешней среды, будущих изделий при общей длительности производственного цикла накладывает особый отпечаток на требования гибкости, мобильности производственных систем. Мобильность должна обеспечиваться, как минимум, в трех отношениях – ресурсном (переход к блочно-модульному способу сборки изделий, отказ от поддетального способа), технологическом (избегание использования специального оборудования с низкими адаптационными свойствами; снижение доли ручного труда для повышения класса точности продукции, ее качества; максимальное использование гибких производственных систем (ГПС)) и организационном (отказ от жесткой цеховой структуры производства, формирование производственной системы на базе модульного принципа). Высокомобильное предприятие может гораздо быстрее адаптироваться к требованиям новой продукции, обеспечить высокие экономические результаты.

¹ Так, в настоящее время в мире наблюдается ситуация медленного сползания судостроения в кризис перепроизводства: несколько лет назад судостроительными фирмами было недооценено серьезное падение объема морских промышленных перевозок; планирование осуществлялось практически «методом трендов». В свою очередь, это снижение привело к сокращению фрахтовых ставок на суда в несколько раз, практически до уровня безубыточности, а в некоторых случаях и ниже. Между тем, мировая судостроительная отрасль работает в прежнем темпе, поскольку на изготовление новых судов подписаны соответствующие контракты. Фактически это означает, что часть будущих судов окажется в скором времени невостребованной, с соответствующими банкротствами грузоперевозчиков и судостроительных компаний.

² К сожалению, в последние десятилетия отраслевая судостроительная наука, представленная исследовательскими структурами (ЦНИИ ТС, ЦНИИ РУМБ, ЦНИИ им. Крылова и др.), переживает не лучшие времена, что не могло не сказаться на уровне научных разработок. При этом довольно часто наблюдается ситуация, когда для минимизации затрат на создание нового изделия предприятие (при помощи проектных организаций) адаптирует будущее изделие под свои условия.

Таким образом, региональная экономика складывается из экономических субъектов, которые в настоящий момент времени во множестве своем переживают кризис. Без решения проблем предприятий нельзя говорить об успешной региональной модернизации.

Библиографический список

1. Новиков А. В. Формирование экономической стратегии производственных систем в условиях кризиса и нестабильности : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 : защищена 29.11.00 : утв. 15.06.01. – СПб., 2000. – 214 с.
2. Новиков К. В. Формирование механизма стратегического управления предприятиями : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 : защищена 29.06.05 : утв. 11.12.05. – СПб., 2005. – 225 с.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

М. А. Стоянова

**Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия**

Summary. In the article the author proves that, as the real estate market is a complex of regional markets, which differ in terms of economic development, level of income, housing prices, efficiency, capital investment and other parameters, there is a need for a differentiated state regulatory policy in these regions to develop housing markets and improve housing affordability.

Key words: government regulation; regional housing market; housing prices; income level; housing affordability index; differentiated regional policy.

Региональные рынки жилой недвижимости в Российской Федерации развиваются неравномерно, что определяется различными факторами, в том числе и качеством государственного регулирования.

Рынок недвижимости представляет собой совокупность региональных, локальных рынков, которые отличаются между собой по уровню экономического развития, уровню доходов, цен, эффективности вложения капитала и прочим параметрам. В зависимости от геополитического положения региона, отраслевой структуры экономики региона, демографических факторов формируется система факторов регионального уровня, определяющая состояние и динамику рынка жилой недвижимости.

В основе неравномерности развития региональных рынков жилья лежат следующие факторы:

- 1) административный статус и масштаб города, региона, характер его социально-экономического развития;
- 2) объемы дотаций из федерального бюджета;
- 3) структура и состояние жилого фонда города, региона;

- 4) удаленность от центра;
- 5) уровень развития социальной и транспортной инфраструктуры;
- 6) условия окружающей среды;
- 7) уровень и качество жизни населения.

Перечисленные факторы влияют на уровень инвестиций, поступающих на рынок жилой недвижимости, доходы населения, формирующие платежеспособный спрос и объемы жилищного строительства, формирующие предложение.

Для России характерна глубокая дифференциация регионов по стоимости жилья (табл. 1).

Таблица 1

**Экономические показатели развития регионов
Российской Федерации в 2010 году**

Федеральные округа	Средняя цена 1 кв.м жилья, руб.	Средняя стоимость строительства 1 кв.м. общей площади жилых домов, руб.	Среднедушевые доходы населения, руб.	Общая площадь жилых помещений в среднем на 1 чел., кв.м	Введено в действие общей площади жилых домов, тыс. кв.м	Уровень безработицы, %
г. Москва	144 342	38 720	43 917	18,67	1 768	1,7
г. Санкт-Петербург	78 243	41 871	24 438	23,18	2 656	2,6
Центральный	63 592	31 683	24 547	21,79	34 923	4,7
Северо-Западный	55 199	39 613	19 685	22,73	11 131	6,2
Северо-Кавказский	29 123	25 912	13 395	24,55	6 061	16,9
Южный	39 269	28 871	15 010	17,92	13 606	7,7
Приволжский	36 642	27 476	15 733	21,42	24 880	7,6
Уральский	43 556	32 483	21 590	22,31	9 637	8,0
Сибирский	35 790	31 022	14 892	24,02	13 214	8,7
Дальневосточный	48 028	39 135	20 817	21,85	3 296	8,7

Из анализа данных таблицы следует, что самая высокая стоимость жилья наблюдается в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге, регионах с низким уровнем безработицы и высоким уровнем доходов населения по сравнению с остальными регионами. В Москве и Санкт-Петербурге самые низкие показатели обеспеченности населения жильем – 18,6 кв. м на человека, в то время как в среднем по России эта цифра составляет 22,7 кв. м на человека, что объясняется высокой плотностью населения. Кроме того, низкие показатели Москвы и Санкт-Петербурга по вводу в действия жилья связаны с дефицитом свободных земель для массовой застройки в черте города.

В Северо-Кавказском федеральном округе цены жилой недвижимости являются одними из самых низких по сравнению с другими регионами, что может быть обусловлено как традиционно высоким уровнем безработицы, низким уровнем доходов населения, так и самыми высокими показателями обеспеченности населения жилыми помещениями по России и предпочтением индивидуального домостроения.

Регионами лидерами по вводу жилья являются Центральный ФО (Московская область), на который приходится 13 % возводимого

жилья, вследствие выноса жилищного строительства во внешнюю зону столичной агломерации с более низкими ценами и свободными площадями под застройку, Южный ФО (Краснодарский край), на который приходится 6 % возводимого жилья благодаря инвестициям в олимпийские стройки, увеличениям доходов населения и платежеспособного спроса, и Приволжский ФО – 4 %, вследствие продолжения программ поддержки строительства в Республике Татарстан.

На основе анализа основных ценообразующих факторов и их влияния на цены жилья [4] автор пришел к выводу, что основным фактором, объясняющим дифференциацию в стоимости жилья, являются доходы населения в экономически развитых регионах и себестоимость строительства в экономически менее развитых регионах.

Кроме того, на стоимость жилья и уровень его доступности также влияет высокая дифференциация доходов. Среднедушевой доход самых обеспеченных семей в нашей стране составляет примерно 50 тыс. руб., а 10 % самых бедных – 3 тыс. руб., то есть разрыв составляет около 17 раз. В Западной Европе соответствующая разница составляет в среднем 8–10 раз, в странах социал-демократической ориентации – 6, Японии – 5 [1].

Доступность жилья является ключевым элементом государственной или региональной программы регулирования рынка жилой недвижимости. В настоящее время для оценки уровня доступности жилья в каждом конкретном регионе и эффективности государственных программ (как федеральных, так и на уровне регионов) используются различные методики (методика ФЦП «Жилище» [6], А. Н. Краснопольской и Г. М. Стерника [5]). Так как большая часть недвижимости приобретается с помощью механизма ипотечного кредитования, в мировой практике используется индекс доступности жилья с кредитом (англ. – Housing Affordability Index).

Индекс доступности жилья с кредитом устанавливается Национальной ассоциацией риэлторов (National Association of Realtors – NAR) для оценки финансовых возможностей покупателей приобретать жилье. Рассчитываемый индекс доступности жилья с кредитом является комплексным индикатором, который учитывает и уровень цен, и спрос, и предложение на рынке жилья, условия ипотечного кредитования, а также множество других экономических, социальных, институциональных параметров и факторов федерального и регионального значения. В целом данный коэффициент показывает степень социальной ориентированности рынка жилой недвижимости.

В самом общем виде формула расчета коэффициента HAI выглядит следующим образом:

$$HAI = (MEDINC/QINC) * 100, \text{ где}$$

MEDINC – медианные доходы домохозяйств, опубликованные Бюро переписи населения США (U.S. Bureau of the Census),

QINC – национальные медианные цены, рассчитанные по данным Национальной ассоциации риэлторов США (National Association of Realtors).

Значение индекса в 100 % означает, что среднестатистическая семья обладает достаточными доходами для приобретения стандартной квартиры с помощью ипотечного кредита, значение показателя менее 100 % означает, что доходы домохозяйства недостаточны.

Формула расчета данного индекса выглядит следующим образом [7].

$$NAI = \frac{\varepsilon \cdot R}{C} \cdot 100\%,$$

где NAI – индекс доступности жилья с кредитом, R – средне-месячный доход семьи; C – ежемесячный платеж по кредиту, с помощью которого приобретается жилье; ε – предельная доля дохода семьи, которая может расходоваться на погашение кредита.

В связи с отсутствием данных о медианных доходах и ценах, а также в соответствии со стандартами АИЖК [8, с. 15] по формуле расчета ежемесячных платежей по ипотечному кредиту преобразуем формулу:

$$C = D \cdot \frac{r/12}{1 - 1/(1+r/12)^{12n-1}}.$$

Рассмотрим значения индекса NAI в ряде регионов России на первичном рынке жилья с 2006 по 2010 годы. Индекс доступности жилья с кредитом автором рассчитывается исходя из следующих параметров: средней цены 1 кв. м жилья, стандарта площади жилья для семьи из 3-х человек, один из которых ребенок, – 54 кв. м, суммы двух среднемесячных номинальных начисленных зарплат [8, с. 22].

Предполагаем, что сумма кредита составляет 80 % от стоимости квартиры, а 20 % оплачивается из собственных сбережений, срок кредитования соответствует 15 годам, также значение предельной доли дохода, расходуемой на погашение кредита, принимаем равным 50 % (российский аналог параметра ε – коэффициент «платеж / доход» [9, с. 3]).

Данные расчетов представлены в таблице 2. Оцененные параметры доступности жилья в региональном разрезе позволяют сделать следующие выводы.

**Индекс доступности жилья с кредитом на первичном
и вторичном рынках жилья по регионам России [10]**

Регионы	Года				
	2006	2007	2008	2009	2010
	первичный	первичный	первичный	первичный	первичный
г. Москва	35,8	38,8	44,1	43,5	48,3
г. Санкт-Петербург	50,5	40,8	46,5	45,3	63,1
Центральный	44,6	47,6	54,1	61,5	72,5
Северо-Западный	55,7	48,7	55,1	53,7	77,5
Северо-Кавказский	67,3	65,9	65,9	68,0	78,4
Южный	51,4	51,1	50,9	60,5	72,0
Приволжский	49,4	52,9	60,5	66,6	77,4
Уральский	71,2	76,1	95,4	97,5	104,4
Сибирский	67,1	62,8	72,8	81,1	94,7
Дальневосточный	76,8	85,4	84,8	81,2	97,6

Во-первых, с 2006 по 2008 год наблюдается увеличение уровня доступности жилья с кредитом, что может быть связано как с повышением общего уровня доходов населения в регионах, так и развитием самого института ипотечного жилищного кредитования (появление различных программ кредитования для различных категорий граждан, снижение суммы первоначального взноса и ипотечных ставок). Однако в 2009 году наблюдается общий тренд снижения доступности жилья с кредитом в связи с мировым финансовым кризисом, ужесточением программ кредитования и снижением доходов населения.

Во-вторых, хоть и наблюдается определенный рост, уровень доступности жилья с кредитом все еще остается достаточно низким (ниже 100 %) во всех регионах России.

В-третьих, наиболее низкий уровень доступности существует в городах федерального значения – Москве и Санкт-Петербурге, что объясняется высокой плотностью населения, низкой обеспеченностью жильем и высокой стоимостью квадратного метра жилья.

В-четвертых, наибольший рост уровня доступности за последние годы отмечен в Уральском федеральном округе. Это единственный регион, где коэффициент НАИ на первичном рынке жилья превысил показатель в 100 % и составил 104,1 %, что может быть связано со снижением стоимости квадратного метра жилья в сравнении с докризисным уровнем. Данный регион догоняют Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, где индекс доступности жилья с кредитом также достигает высоких значений.

Таким образом, проведенный анализ показывает дифференциацию в стоимости жилья, доходов, уровня доступности жилья с кредитом в регионах Российской Федерации. Это требует проведения различной жилищной политики регулирования – прогнозирую-

вание объема спроса, активизация жилищного строительства в регионах с низкой обеспеченностью жильем, развитие институтов ипотечного кредитования в регионах, где индекс доступности жилья с кредитом оказался низок.

Библиографический список

1. Аганбегян А. Строительство жилья – локомотив социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. – 2012. – № 5. – С. 59–69.
2. Бессонова О. Э. Новая жилищная модель как антикризисная мера // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 2. – С. 203–222.
3. Грушина О. В. Жилищный вопрос в РФ: решение в рамках новой экономической парадигмы // Мир России. – 2011. – № 2. – С. 125–142.
4. Пузыня Н. Ю., Стоянова М. А. Исследование зависимости цен на жилую недвижимость от ценообразующих факторов // Социосфера. – 2012. – № 3. – С. 63–67.
5. Стерник Г. М., Краснопольская А. Н. Влияние параметров ипотечного кредитования на коэффициент доступности жилья : доклад // II Петербургский ипотечный форум. – 2007. – 1–2 марта.
6. Федеральная целевая программа «Жилище» на 2011–2015 годы. URL: <http://www.fcpdom.ru/index.php?s=news&id=476>
7. HAI formulas. URL: http://www.realtor.org/wps/wcm/connect/df29350048be3841b560ff0c8bc1f2ed/Formulas_HAI.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=df29350048be3841b560ff0c8bc1f2ed (дата обращения: 10.10.2012).
8. Приложение к Приказу от 18 апреля 2008 года № 41-од. Стандарты процедур выдачи, рефинансирования и сопровождения ипотечных кредитов (займов).
9. URL: <http://www.ahml.ru/common/img/uploaded/files/participants/standards/adde/standart210408.pdf> (дата обращения: 10.10.2012).
10. В соответствии со стандартами Приложения № 14 к федеральной целевой программе «Жилище» на 2011–2015 годы. Методика оценки эффективности федеральной целевой программы «Жилище» на 2011–2015 годы. URL: <http://www.fcpdom.ru/index.php?s=news&id=476> (дата обращения: 10.10.2012).
11. Рассчитано по данным Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели», 2010 г. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.10.2012).

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Г. А. Якупова

**Уфимский государственный нефтяной технологический
университет, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия**

Summary. This article observes main government programs for agriculture development in Russia. Contains official statistics about agriculture situation in the country.

Key words: government support; young specialists; social problems in villages.

В Башкирии, где экономика носит ярко выраженный аграрный характер, определяющим моментом в истории являются сельские жители. К сожалению, демографический кризис, начавшийся в России в 90-е года, не мог не затронуть и сельскую местность. По данным Всероссийской переписи 2010 года, увеличилось число деревень и хуторов с населением 10 человек и менее. В настоящее время они составляют почти четверть всех сельских населенных пунктов (в 2002 г. – примерно пятую часть). За последнее десятилетие с карты Российской Федерации исчезло более 17 тысяч деревень. Если такая негативная тенденция будет сохраняться, то скоро на земле станет некому работать. Вырождение села – это не только экономическая, но и духовная проблема, вопрос национальной гордости и национального престижа.

В 2010 году Российский союз сельской молодежи при поддержке ВЦИОМа [6] провел социологическое исследование, в ходе которого изучались установки, мотивы, настроения и ожидания сельской молодежи. Данное исследование выявило катастрофическую нехватку молодых специалистов на селе. Молодежь предпочитает уезжать в города, строить свои семьи там. Этому есть ряд причин.

1. Безработица. Наибольшую степень озабоченности у сельской молодежи вызывает вопрос обеспечения рабочими местами (безработица, невозможность трудоустройства, неравные условия конкуренции на рынке труда и т. д.). На него указали 19,3 % опрошенных. Данная проблема обозначается респондентами в возрасте от 20 лет как первостепенная (26,8 %). В наивысшей степени ею озабочены респонденты в возрасте от 25 до 30 лет.

2. Организация досуга. Об этом заявило 18,5 % опрошенных. Причем вопросами досуга больше обеспокоены женщины (21,9 %), чем мужчины. Социальная инфраструктура деревни оставляет желать лучшего. Отсутствие кинотеатров, различных спортивных или творческих секций и так далее вынуждает жителей заниматься досугом самостоятельно. Чаще всего на первое место в таком времяпрепровождении становится алкоголь, а это только способствует вымиранию деревни.

3. На третьем месте вопросы образования и воспитания (13,6%). Они также являются общезначимыми. При этом вопросами воспитания и получения качественного образования наиболее обеспокоены представители старших возрастных групп молодежи (от 18,4 % до 22,8 %). В некоторых селах даже не предусмотрены начальные школы. Они находятся, например, в соседней деревне, куда ребенку самостоятельно не добраться, а родители, занятые работой, просто не имеют времени сопроводить его.

На основе этих данных можно считать вполне естественным, что молодые люди стремятся уехать в город.

Среди объективных факторов выбора молодежи в пользу села наибольшее значение имеет фактор отсутствия материальных возможностей для переезда.

На сегодняшний день правительство страны всерьез обеспокоено такими показателями, ведь именно сельские жители испокон веков были кормильцами своего народа, снабжающими его продуктами питания и многими видами натурального сырья. Государство, имеющее перспективу развития, стремится укрепить сельские семьи. Селу нужна молодежь образованная и предприимчивая. Чтобы привлечь молодых специалистов для работы в деревне, в Башкирии существует ряд государственных программ.

В 2003–2010 годах в республике реализовывалась целевая федеральная программа «Социальное развитие села», утвержденная Правительством Российской Федерации [2]. Основными целями программы стали:

- сокращение разрыва между городом и селом в уровне обеспеченности объектами социальной сферы и инженерной инфраструктуры, создание основ для повышения привлекательности проживания в сельской местности;

- расширение рынка труда в сельской местности и создание условий для развития сельской экономики с целью обеспечения роста собственных доходов и уровня потребления сельского населения;

- привлечение и закрепление для работы в социальной сфере и других секторах сельской экономики молодых специалистов;

- улучшение состояния здоровья сельского населения за счет повышения доступности и качества первичной медико-санитарной помощи;

- повышение роли физической культуры и спорта с целью предупреждения заболеваний, поддержания высокой работоспособности, профилактики правонарушений, наркомании и алкоголизма;

- повышение образовательного уровня учащихся сельских школ, приведение качества образования в соответствие с современными требованиями, обеспечивающими конкурентоспособность кадров на рынке труда, и др.

В ходе данной программы более 1000 сельских семей улучшили жилищные условия, при этом повысился уровень коммунального обслуживания населения, в частности уровень газификации жилищного фонда возрос до 86 %, доля обучающихся в первую смену в благоустроенных сельских общеобразовательных учреждениях достигла 90 %, а уровень обеспеченности дошкольными учреждениями составил 70 %.

Кроме того, активно продвигается за счет всех государственных механизмов программа обеспечения жильем молодых людей. Например, в Республике Башкортостан на 2003–2009 г. свой квартирный вопрос решили свыше 10 тысяч молодых семей. Кроме того, с 2006

года успешно реализуются мероприятия по улучшению жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, в рамках федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2012 года». На сегодняшний день 2884 молодым семьям и молодым специалистам выделены субсидии на улучшение жилищных условий.

В 2012 году стартовал крупный проект «500 ферм» по развитию молочно-товарных хозяйств республики с целью модернизации и выхода на зарубежные рынки. Следуя примерам Европы, правительство совместно с Россельхозбанком и Сбербанком приняли решение о кредитовании 52 хозяйств, а также решение предоставить таким хозяйствам займы за счет районного бюджета с возвратом средств за счет будущих субсидий.

Немаловажным является и факт возрождения студотрядов в Башкирии: теперь студенты могут на деле ощутить реалии трудовых будней, познакомиться с работодателем, проявить себя, чтобы после окончания университета не иметь трудностей с получением работы.

Как мы видим, в республике делается многое для возрождения села и поднятия его престижа в глазах молодежи, чтобы уже в скором будущем наши деревни заняли достойное место и были пригодны для полноценной жизни.

Библиографический список

1. Дзагкоев А. К. Молодая семья в современных условиях (на материале Республики Северная Осетия – Алания) : дис. канд. социол. наук / Социально-технический университет Московского государственного университета сервиса. – 2000. 06. М.
2. Закон от 31 октября 2007 года № 472-з «О развитии сельского хозяйства в Республике Башкортостан».
3. Силласте Г. Г. Сельская школа и село России в начале XXI века : моногр. / под общ. ред. д.и.н. Ю. В. Борисова. – М. : Центр образовательной литературы, 2003 ; Мещеркина Е. Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социол. исслед. – 2002. – № 11.
4. Черняк Е. М. Социология семьи : учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2004.
5. Сайт Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан. URL: <http://www.mcxb.ru/Default.aspx>
6. Сайт Российского союза сельской молодежи. URL: <http://www.rssm.su/>

III. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В РЕГИОНЕ¹

Н. А. Стефановская, О. В. Жуликова, С. А. Круглякова
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Summary. The article describes the specifics of stratification of the population of the region by the activity of the treatment to information resources. The authors present the data of sociological research, conducted in the Tambov region.

Key words: social stratification; information; cultural and economic parameters.

К новым параметрам социальной стратификации в информационном обществе относится информационно-культурное неравенство, связанное с возможностями доступа к информационным ресурсам и культурным благам, сформированностью потребности в таком доступе, качеством использования информационных ресурсов. На основе теорий многомерной стратификации целесообразно рассмотрение этих параметров не изолированно, а во взаимосвязи с социально-экономическими показателями расслоения общества.

В силу имеющихся межрегиональных различий, по нашему мнению, в современных условиях целесообразно провести исследование взаимосвязи социально-экономических и информационно-культурных параметров стратификации именно на региональном уровне с учетом специфики социокультурного контекста. Исследование, проведенное нами в 2012 г. в Тамбовской области, показало наличие неоднозначных, сложных корреляций между экономическим статусом и информационно-культурными характеристиками. Так, среди респондентов – жителей районных центров и сел области в возрасте от 16 до 70 лет – было выделено три слоя по уровню материального достатка: те, у кого денег достаточно для приобретения всего необходимого (высокий уровень материальной обеспеченности); те, у кого денег хватает на покупку только вещей первой необходимости (средний уровень), и те, у кого денег не хватает даже на приобретение продуктов питания (низкий уровень). Как выяснилось, покупателей книжных магазинов больше всего в группе со

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Информационно-культурная стратификация населения Тамбовской области», проект № 12-13-68000-а(р).

средним уровнем обеспеченности (61,7 % от этой группы), у этой же группы больше, чем у других, домашних библиотек (78 %). А вот книги в Интернете читает больше всего представителей группы с высоким достатком (45 %). Но при этом иметь традиционные бумажные книги в своей собственности предпочитает больше, чем другие, группа малообеспеченных. Респонденты же со средним уровнем обеспеченности чаще других берут книги для чтения во временное пользование или покупают, читают и отдают, а высокообеспеченные чаще других отдают знакомым или в библиотеку книги, которые не нужны или не понравились.

Доминирующее отношение к чтению в группе с высоким достатком выражается в высказываниях: «читаю по необходимости» (38,6 %), «люблю читать» (31,6 %) и «читаю, когда есть свободное время» (31,6 %). Большинство представителей этой группы считает наиболее популярным сегодня чтение электронных книг в различных вариантах (с компьютера, букридера, iPad, мобильного телефона и др.).

В группе со средним достатком преобладают высказывания: «люблю читать» – 36,2 %, «читаю по необходимости» – 33,6 %, «читаю, когда есть свободное время» – 24,1 %. В то же время только в этой группе встречается однозначно отрицательное отношение к чтению: «не люблю читать», «чтение – пустая трата времени» – 4,3%. 10 % этой группы считают, что чтение сегодня вообще не популярное занятие.

Среди малообеспеченных читают, когда есть свободное время, – 40 %, любят читать – 26,7 %, читают по необходимости – 20%. Только в этой группе встречается мотив престижности – «что я хуже других, вот и читаю» – 6,7 %. Абсолютное большинство этой группы считает наиболее популярным чтение традиционных бумажных книг.

Твердая убежденность в том, что знание отдельных книг или авторов служит и сегодня показателем высокого уровня интеллектуального и духовного развития человека, наиболее характерна для группы высокообеспеченных (58 %), отрицание этого высказывания наиболее распространено в группе среднеобеспеченных (37,4 %).

Цели использования Интернет распределились по группам следующим образом.

Общение в социальных сетях наиболее распространено в группах мало- и высокообеспеченных. Электронной почтой больше, чем другие группы, пользуются среднеобеспеченные. Они же больше, чем другие, играют в компьютерные игры, скачивают фильмы, музыку. Малообеспеченные больше других общаются по скайпу, покупают и оплачивают через Интернет товары и услуги. Высокообеспеченные больше других читают и скачивают электронные книги и журналы, выкладывают свои фото, тексты, видео. При этом высокообеспеченные чаще других пользуются Интернетом дома на своем

компьютере и через мобильный телефон; среднеобеспеченные – по месту учебы и вообще не пользуются; малообеспеченные – на работе через служебный компьютер и дома у друзей.

Предпочтения относительно телепрограмм таковы: информационно-аналитические и спортивные программы предпочитает наибольший процент среди высокообеспеченных (28,6 %), кинофильмы и общественно-политические программы больше других смотрят малообеспеченные, научно-популярные передачи и по проблемам молодежи больше остальных смотрят респонденты со средним уровнем материальной обеспеченности. Ток-шоу смотрят около 17 % в каждой из трех групп.

Среди печатных периодических изданий у высокообеспеченных больше, чем в других слоях, популярны отраслевые научные журналы и престижные «глянцевые» издания. У среднеобеспеченных – научно-популярные (о здоровье, путешествиях, природе) и рекламные. В этой же группе больший процент, чем в других, вообще не читает периодику. Малообеспеченные чаще других читают общественно-политические газеты и журналы и «про дом, быт, досуг».

Среди лиц, авторитетных для респондентов при выборе книг, назвали чаще других друзей и сверстников, а также рейтинги продаж малообеспеченные; советы преподавателей – высокообеспеченные; советы библиотекарей и родственников – группа со средним уровнем достатка. Среди факторов, влияющих на отношение к чтению, больший процент группы малообеспеченных назвал уровень образования и материальное положение; среднеобеспеченных – общее интеллектуальное развитие; высокообеспеченных – образ жизни, сферу профессиональной деятельности и мнение авторитетных для данного слоя лиц.

Таким образом, наиболее противоречивой по информационно-культурным параметрам оказалась группа со средним уровнем материальной обеспеченности, в которой, с одной стороны, сохраняется интерес к чтению, приобретению книг, тяга к познавательным аспектам использования информационных ресурсов, а с другой, эта же группа отличается наиболее явно выражаемым негативным отношением (или отторжением) и к чтению, и к информационным ресурсам Интернета.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УРОВНИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

А. В. Свешников

**Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия**

Summary. The author tells about variety of the points of view in understanding of category «quality of life». This category is considered on macro - meso - and microeconomic levels. It is emphasized that depending on level of the analysis the concept volume changes: from extremely wide to more concrete.

Key words: the quality of life; paradigm; humanity.

Анализ и обобщение подходов в определении понятия «качество жизни» представителями зарубежных и отечественных научных школ позволили установить наличие многообразия точек зрения в понимании данной категории, что свидетельствует о слабости развития теории и методологии вследствие исследования отдельных весьма важных, но частных аспектов данного понятия. Именно это обстоятельство стало преградой в понимании качества жизни как сложного, многоуровневого понятия, которое структурно представлено качеством жизни населения на макро-, мезо- и микроуровне, а также на уровне индивидов.

Рассматривая качество жизни на макроуровне, во-первых, следует обозначить теории, в рамках которых используется данная категория. Эта концепция входит в общепризнанную теорию общественного прогресса Д. Белла [2]. Он использует ее для характеристики современного общества, обозначая требования лучшей жизни, концентрирующиеся вокруг двух фундаментальных сфер – здоровья и образования.

В российской науке макротеории качества жизни предлагают В. В. Бойцов и А. И. Субетто [1; 3]. Они рассматривают качество жизни как новую цивилизационную парадигму развития человечества. Предложенные ими модели качества жизни помещены в предельно широкий контекст. Качество жизни выражает целостность человеческого бытия, а степень зрелости общества определяется тем, насколько качество жизни становится определяющим фактором развития.

Качество жизни на макроуровне как объект исследования носит идеальный характер. Понятие в данном случае содержит указание на самый широкий объем явлений и процессов, подпадающих под него. Во-вторых, отличается и способ измерения качества жизни. Операционализация понятия сугубо теоретическая, может не включать детально проработанных эмпирических индикаторов. Ими могут выступить широкие критерии, например, как у Д. Белла – здоровье и образование или другие. В-третьих, такие теории явля-

ются стратегическими ориентирами, их цель – определить вектор социально-экономического развития.

Качество жизни на мезоуровне имеет свои особенности. Модели качества жизни становятся важнейшей составной частью теорий «устойчивого развития», «человеческого капитала», «основных потребностей», «человеческих ресурсов», «эндогенного роста», «человеческого развития», «расширения человеческого выбора», «социального потенциала» и др.

Наиболее характерно в этом отношении определение, которое дается в «Стратегии устойчивого развития для Великобритании» (1998): «Устойчивое развитие очень простая идея. Это обеспечение лучшего качества жизни для всех, сейчас и для поколений, которые придут».

Теоретические и методологические аспекты качества жизни этого уровня большое внимание уделяют измерительным процедурам. Оценка качества жизни выступает в двух формах – объективной и субъективной, т. е. степень соответствия условий жизни, потребностей и интересов индивидуумов научно обоснованным показателям и удовлетворенность своей жизнью самих людей.

На микроуровне качество жизни приобретает более узкое значение по сравнению с другими рассмотренными уровнями. Здесь качество жизни соотносится с концепциями социальной политики. Что касается процедуры измерения качества жизни, то это могут быть и комплексные показатели, например такие, как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), и отдельные статистические показатели определенного региона, включая фиксирование субъективной оценки собственного качества жизни. Цель изучения качества жизни на микроуровне анализа – определение качества жизни в регионе.

Таким образом, в зависимости от уровня анализа изменяется объем понятия: от предельно широкого к более конкретному.

Библиографический список

1. Антология русского качества / под ред. В. В. Бойцова, Ю. В. Крянева. – М. : РИО «Стандарты и качество», 2000. – С. 10–12, 27–30.
2. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ. ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1993, 1999.
3. Субетто А. И. Качество жизни. Грани проблемы. – СПб.; Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2004. – 170 с.

ФИНАНСОВАЯ СУЩНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ» И ЕЕ РОЛЬ В ОПТИМИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФИНАНСОВ И ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О. Г. Скузоватова
Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург, Россия

Summary. This article observes financial essence and a role of an economic category "living wage "; economic sense, value and a role of the Law of the Russian Federation "About a living wage in the Russian Federation ". The structure, size and dynamics of a living wage on an example of the Orenburg area is considered. Its influence on development of region, strengthening of national safety and preservation of the human capital is shown. The optimization model budgetary charges of region on financing development of the human capital is offered.

Key words: region; budgetary charges; "living wage"; national safety; a consumer's basket; the social indicator; the human capital; economic system.

Широко известны фундаментальные физические константы – постоянные, входящие в уравнения, описывающие фундаментальные законы природы и свойства материи.

Фундаментальные экономические константы характеризуют тип экономической системы: ее структуру, тип воспроизводства (экстенсивный, интенсивный, дегенеративный, регенеративный, сбалансированный и т. п.), направление движения. Изучение динамики экономических констант позволяет прогнозировать перспективы движения экономической системы. К числу экономических констант относятся: коэффициент Джини, ссудный процент и связанный с ним уровень инфляции, размер денежной массы в расчете на единицу ВВП, доходы на душу населения (по отраслям, сослови-ям или стратам), затраты на управление социумом (включая затра-ты на силовые структуры и судебную систему) в расчете на единицу ВВП, затраты на развитие социума (образование, здравоохранение, науку, культуру, медицину и экологию) в расчете на единицу ВВП и некоторые другие. Накопление количественных изменений в эко-номических константах приводит к возникновению качественных изменений, то есть к смене типа экономической системы: обще-ственная система мигрирует в пространстве типов экономических систем. Если изменения в экономических константах накапливают-ся медленно, объективно, не нарушая баланса в социуме и имея по-зитивный вектор, наблюдается процесс эволюции. В противном случае возникают предпосылки для быстрого, резкого и бурного разрешения возникших в социуме противоречий, отражаемых в среднестатистических значениях экономических констант, что мо-

жет закончиться разрушением текущей структуры социума и в определенной степени деградацией.

Все экономические кризисы, как правило, являются эндогенной попыткой социума привести накопившиеся дисбалансы в экономических константах к некоей гармонии, привести свою структуру к более устойчивому типу. В наиболее общем виде структуру социума можно представить состоящей из трех частей:

- креативной (она сама способна себя развивать: увеличивать свои доходы, улучшать уровень здоровья, культурный уровень, свой удельный вес в населении страны – при этом достигается развитие социума);

- позитивной (способна достигнуть баланса при воздействии с креативной частью);

- негативной (не способна в силу низкого образования, отсутствия здоровья, производственных навыков и ресурсов или иных причин самостоятельно развиваться и обеспечивать свое самосохранение, поэтому постепенно частично вымирает, частично криминализуется).

С помощью коэффициента Джини можно судить о величине и динамике этой третьей страты, что позволит прогнозировать нарастание критических ситуаций в социуме как в политической сфере (почва для «оранжевых» революций), так и в экономической сфере (гипертрофированные расходы бюджета на экстенсивное содержание третьей страты). По данным исследования ЦРУ от 30 декабря 2011 г., проведенного по 140 странам за период с конца 80-х – начала 90-х годов XX в. до 2010 г., в начале исследуемого периода (1998г.) наименьшее значение коэффициента Джини было в Беларуси (21,7), а наибольшее – в Ботсване (63). В конце исследуемого периода наименьшее значение коэффициента Джини было в Швеции (23) и Норвегии (25), а наибольшее – в Сейшелах (65,8) и Южно-Африканской республике (65) [5].

Как видим, может быть равенство в бедности (Беларусь), которое продолжается усилением расслоения (2008 г. – 27,2) и усилением политических волнений, а может быть равенство в достатке (Швеция), которое продолжается стабильностью и консолидацией общества (2005 г. – 23,0). Соответственно, можно сделать вывод, что государственное регулирование должно быть направлено в первую очередь на третью страту. И основная цель регулирования – дать возможность третьей страте постепенно перейти во вторую, то есть сформировать для нее мотив и дать средства для достижения цели.

Таким образом, одними из важнейших экономических констант являются показатель «доход на душу населения (в разрезе страт)» и связанный с ним показатель «прожиточный минимум», как раз и являющийся доходом третьей страты. В 2010 г. численность населения в РФ с денежными доходами ниже величины про-

житочного минимума составила 17,9 млн чел., или 12,6 % от общей численности населения, а в первом квартале 2011 г. – 22,9 млн чел., или 16,1 % [4]. Фактически величина прожиточного минимума колебалась в России по данным за III квартал 2011 г. от 4629 руб. на душу населения в республике Дагестан [11] до 10855 руб. на душу населения в республике Саха. [12] Данные Федеральной службы государственной статистики о распределении населения по размеру среднедушевого денежного дохода за 9 месяцев 2011 года показывают, что удельный вес населения со среднедушевым денежным доходом до 10000 руб, то есть чуть ниже прожиточного минимума или чуть выше прожиточного минимума (в разных регионах) составил 31,4 % [4]. Это огромная страта, неблагополучие такого большого числа членов общества, несомненно, сказывается на уровне национальной безопасности.

Понятие «национальная безопасность» как базовую теоретическую категорию можно рассматривать с нескольких точек зрения. С точки зрения **этического** подхода национальная безопасность – это защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внешних и внутренних угроз, обеспечивающая устойчивое развитие страны. С точки зрения **политического** подхода национальная безопасность – это совокупность официально принятых взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов и возможностей. С точки зрения **функционального** подхода национальная безопасность – это способность нации удовлетворять потребности, необходимые для ее самосохранения, самовоспроизведения и самосовершенствования с минимальным риском ущерба для базовых ценностей ее нынешнего состояния. С точки зрения **институционального** подхода национальная безопасность – это совокупность законодательных норм и исполнительных органов государства, которые в совокупности обеспечивают: безопасность личности, общества и государства от разнообразных упомянутых выше угроз; стабильность, которая может поддерживаться на протяжении длительного времени; возможности простого (или расширенного) воспроизводства личности, общества и государства в обозримой перспективе.

Таким образом, в настоящее время основную роль в обеспечении национальной безопасности играет государство в лице своих региональных и федеральных органов, которые должны содействовать развитию как страны в целом, так и ее регионов. На наш взгляд, в регионе должна быть разработана пирамида долгосрочных стратегических целей (рис. 1), в которой необходимо обосновать

приоритетные цели и задачи по сохранению и развитию всех имеющихся в регионе ресурсов, в первую очередь невозполнимых. К ним относятся:

1) человеческий капитал, который невозможно восполнить извне (если в некоем гипотетическом случае население страны вдруг удастся восполнять извне, это будет уже не то население, то есть не те избиратели (они же налогоплательщики) и, соответственно, не те органы управления и не то государство);

2) природный потенциал (восстановление которого или невозможно, как невозможно восстановить распаханные луга, или в сотни тысяч раз дороже, чем его разрушение в угоду сиюминутным целям).

Рассмотрим факторы сохранения и развития человеческого капитала, то есть населения данного региона. Общие доходы населения в целом и каждого гражданина складываются из двух составляющих:

– личные доходы (зарплата, доходы от домашнего хозяйства, от дополнительных занятий и пр.);

– поступления из общественных фондов (школьное и др. «бесплатное» образование; поликлиническое и медицинское обслуживание; бесплатные или льготные услуги спортивных сооружений, культурно-массовых организаций – музыкальные и художественные школы, дворцы культуры, театры, выставочные залы и пр.).

Региональные и федеральные органы государственного управления должны стремиться к созданию среды, благоприятной для роста *платежеспособного когнитивного* спроса в данном регионе. Только в этом случае экономическая система будет развиваться, а не стагнировать.

Рис. 1. Пирамида стратегических целей региона

Особенности обеспечения региональными государственными органами управления основ национальной безопасности в части регулирования показателя «прожиточный минимум» были рассмотрены на примере Оренбургской области.

В Оренбургской области этот статистический показатель рассчитывается по методике, регламентированной Законом Оренбургской области от 29 августа 2006 г. № 544/88-ОЗ «О потребительской корзине в Оренбургской области» [4], хотя в 2011 году, согласно законодательству, он должен был быть пересмотрен, однако оставлен в действии закон 2006 г. В нем заложено 5 категорий расходов: минимальное питание (по некоторым позициям в 2–5 раз меньше медицинских норм); минимальное количество одежды; минимальные расходы по коммунальному обслуживанию жилья, сейчас уже совершенно не соответствующие уровню действующих цен на коммунальные услуги (но не заложены расходы на само жилье, то есть расходы на его приобретение и налогообложение. В свете грядущего увеличения налога на имущество физических лиц в десятки и сотни раз эта законодательная нестыковка, несомненно, является одной из экономических предпосылок возникновения разнообразных разноцветных революций); минимальные расходы на проезд (недостаточные, например, для школьников, чтобы посетить школу во все дни занятий); суперминимальные расходы на лечение, сумма которых недостаточна даже для того, чтобы доехать до лечебного учреждения.

Так, если в 2001 г. трудоспособный оренбуржец должен был выжить, потребляя 31,4 кг мяса в год, то начиная с 2006 г. должен выживать, потребляя 38,9 кг мяса в год. Вспомним, что в РСФСР в 1989 г. потребление мяса на душу населения составляло 69 кг в год, а в США оно достигло уровня 110–120 кг в год [3]. Минимальная медицинская норма в разных странах составляет от 80 до 95 кг.

Потребление молока запланировано в 2006 г. на уровне 205,2 кг, тогда как в РСФСР оно составляло 396 кг, а в США, где едят достаточно много мяса, тем не менее потребление молока составляет 305 кг в год. То есть в нашем региональном законе о прожиточном минимуме в потребительскую корзину по продуктам питания заложены нормы, значительно (в 1,5–2 раза) более низкие, чем фактическое потребление в среднем по России [2] и заведомо недостаточные для поддержания здоровья и жизни населения.

Позиции потребительской корзины по непродовольственным товарам подробно рассматривать не позволяет ограниченный объем статьи. Однако, проведя анализ состава и структуры «потребительской корзины», регламентированных законом Оренбургской области от 29.08.2006 г. № 554/88IV-Оз, можно сделать вывод, что данный закон не ставит целью дальнейшее улучшение демографической ситуации в регионе и не способствует упрочению национальной безопасности.

Кажущийся рост величины прожиточного минимума происходит за счет увеличения инфляции, а реальное наполнение продуктами, товарами, услугами фактически не увеличивается, хотя статьей 3 закона 134-ФЗ от 24 октября 1997 года предусмотрено ее регулярное увеличение «не реже одного раза в пять лет на основе методических рекомендаций, разрабатываемых с участием общероссийских объединений профсоюзов» [1].

Базируясь на предложенной выше пирамиде стратегических целей региона, можно сформировать методику определения объективного уровня прожиточного минимума для различных категорий населения, включив следующие категории расходов «потребительской корзины»: достаточное питание; одежда, функциональная с физической (по сезону) и психологической (в соответствии с модой) точки зрения; приобретение либо аренда и налогообложение жилья; расходы на транспорт; физическая культура; лечение; начальное, среднее, профессиональное образование, дополнительное образование (поскольку в течение жизни человек вынужден несколько раз менять профессию); воспитание (музыкальное, художественное, физкультурное, обучение этическим и иным нормам, не имеющим целью получение ремесла и др.); социальное обеспечение (в случае болезни, старости). При этом по каждой категории можно выделить в затратах: *постоянную* часть (содержание основных средств в соответствующих учреждениях – больницах, поликлиниках, детских садах, общеобразовательных, спортивных, музыкальных, художественных школах, сооружениях культуры и др.) и *переменную* часть (текущие расходы на зарплату персонала, освоение современных методик, медикаменты и расходные материалы, спортивные, художественные, музыкальные принадлежности, коммунальные услуги и пр.).

Часть расходов должна удовлетворяться из личных доходов гражданина, а часть – из общественных фондов, то есть через бюджетные расходы. Соответственно, оптимизации должны подвергаться обе эти составляющие. Модель оптимизации бюджетных расходов региона на социальные цели (на базе нормативов, рассчитанных эмпирическим путем) можно представить в виде широко известной «транспортной задачи» линейного программирования (задача Монжа – Канторовича) [6]. В качестве целевой функции в этой модели можно использовать задачу минимизации расходов бюджета.

Практический опыт автора по решению подобных задач для предприятий пищевой промышленности (задача «о рационе», сходная с «транспортной задачей») подтвердил выводы Л. В. Канторовича, сделанные более 50 лет назад: хорошо составленный план (то есть имеющий решение) методами оптимизации может быть улучшен на 7–12 %, а менее хорошо составленный – улучшится до 20–25% [7, с. 54–73].

В настоящее время региональными финансовыми органами используются методы составления бюджета, не применяющие ни нормативного подхода, ни оптимизационных методов. Они не позволяют аргументировано обосновать ни структуру, ни величину расходов по каждой статье бюджета. Неотъемлемой частью предлагаемой модели является предварительный научно обоснованный расчет экономических нормативов расходов по каждой статье, поэтому возможное применение модели на региональном уровне заставит власти рассмотреть вопрос о применении более адекватных нормативных методов социальных расчетов, например бюджета Геллера.

В результате расчета по данной модели (возможно, в несколько итераций) будет достигнута, по крайней мере, совместимость всех составленных уравнений, то есть будет найдено непротиворечивое решение, отражающее интересы сохранения и воспроизводства населения, сохранения и поддержания в работоспособном состоянии основных фондов, имеющих социально-экономическое назначение, то есть в целом можно добиться дальнейшего улучшения демографической ситуации в регионе.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/172780/> (дата обращения: 20.01.2012).
2. Официальный сайт ГКС «Потребление основных продуктов питания населением РФ 2008 год». URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_101/IssWWW.exe/Stg/3-01.htm (дата обращения: 20.01.2012).
3. Потребление мяса и молока на душу населения // Федеральный портал Pro-town.ru. URL: <http://www.protown.ru/information/hide/3536.html> (дата обращения: 20.01.2012).
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <file:///localhost/I:/СТАТЬИ/Статья%20в%20Финансы%20и%20кредит/Коэфф.%20Джинни/Распределение%20населения%20по%20размеру%20среднедушевого%202010-2011.mht> (дата обращения: 20.01.2012).
5. Официальный сайт The Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2172.html> (дата обращения: 20.01.2012).
6. Википедия (свободная электронная энциклопедия). URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%F0%E0%ED%F1%EF%EE%F0%F2%ED%E0%FF_%E7%E0%E4%E0%F7%E0 (дата обращения: 20.01.2012).
7. Скузоватова О. Г. Формирование информационной инфраструктуры социально-экономических управляющих подсистем (на примере агропромышленного подкомплекса). – Самара : Изд-во Самар. гос. экон. акад., 2004. – 236 с.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА¹

Е. А. Корчак

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина
Кольского научного центра Российской академии наук,
г. Апатиты, Россия

Summary. The paper presents the results of the first phase of the study heterogeneity of regional labor markets in the European North of Russia. The main features of the labor force in the European North of Russia are the high level of economic activity, high proportion of the number of employees of organizations by kinds of economic activity engaged in hazardous working conditions, inefficiency system of regional wage regulation.

Key words: European North of Russia; economic activity; unemployment; wages; economic poverty.

Специфика северного рынка труда определяется, прежде всего, «северными» условиями трудовой деятельности и проживания людей: основной функцией северного рынка труда является согласование спроса и предложения труда на более высоком уровне, связанном с дополнительными издержками предприятий на рабочую силу, обусловленными климатическими условиями [1, 3].

Характеризуя современное состояние региональных рынков труда европейского Севера России, можно выделить следующие особенности предложения рабочей силы. Одной из отличительных черт региональных рынков труда европейского Севера России [6] является высокий уровень экономической активности населения, превышающий среднероссийское значение. Например, в 2010 г. в Мурманской области на региональном рынке труда 74,9 % общей численности населения области (в возрасте от 15 до 72 лет) обеспечивало предложение рабочей силы. Характерной особенностью региональных рынков труда рассматриваемых регионов европейского Севера является высокий уровень экономической активности женщин: от 62,8 % в Архангельской области до 71,5 % в Мурманской области при 62,3 % – в среднем по РФ. Среди занятого населения в регионах европейского Севера России преобладают граждане в возрасте 40–49 лет (за исключением Мурманской области, где 25,7 % занятых составляли граждане возрастной группы 30–39 лет). Средний возраст занятых на европейском Севере в 2010 г. составил 39,1 года (от 39,7 лет в Мурманской области до 38,6 лет в Республике Коми) при среднем по России значении в 39,9 лет. Уровень безрабо-

¹ Исследование выполнено при поддержке Проекта РФФИ № 12-06-00192 «Неоднородность экономического пространства и районирование российского Севера».

тицы (применительно к стандартам МОТ) в среднем по регионам европейского Севера в 2010 г. составил 9 % при среднем по РФ в 7,5%: наибольший уровень безработицы сложился на рынке труда Республики Коми (10,3 %), наименьший – Архангельской области (7,2 %). В числе безработных граждан по возрастным группам высокий удельный вес составляли граждане в возрасте 20–29 лет (от 29,7% в Республике Карелия до 40,3 % в Республике Коми при среднем по РФ в 36,2 %). Средний возраст безработных граждан в регионах европейского Севера России составил 33,9 года (в среднем по России – 35,1 года), в т. ч. в Мурманской области – 33,1 года, в Республике Коми – 32,9, Архангельской области – 34,2, в Республике Карелия – 36,3 года. В целом за период 2000–2010 гг. в среднем по регионам европейского Севера РФ численность экономически активного населения снизилась на 4 % (в среднем по России – увеличилась на 3,7 %); уровень экономической активности вырос на 2,8 % (в среднем по РФ – на 3,3 %); уровень занятости вырос на 6,8% (в среднем по РФ – на 7,2 %); уровень безработицы снизился на 28 % (в среднем по РФ – на 29,2 %).

Одним из основных аспектов трудовой деятельности человека являются условия труда как фактор производственной среды, влияющий на работоспособность человека и состояние его здоровья. Для регионов европейского Севера России характерен высокий удельный вес численности работников организаций по видам экономической деятельности, занятых во вредных и опасных условиях труда. Так, удельный вес численности работников организаций по добыче полезных ископаемых, занятых во вредных и опасных условиях труда, в Республике Карелия составил 68 %, в Республике Коми – 56,3%, в Мурманской области – 42,8 % при среднероссийском уровне в 42,5 %; организаций обрабатывающих производств – от 44% в Мурманской области до 57,2 % в Республике Коми при среднем по РФ в 29,6 %. Кроме того, число пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом на 1000 работающих в рассматриваемых регионах превышает среднероссийское значение практически в 1,4 раза.

Одним из основных факторов, определяющих предложение труда в регионах европейского Севера РФ, является заработная плата как основной источник дохода трудоспособного населения: в Мурманской области доля оплаты труда в структуре денежных доходов населения составила в 2010 г. 59,4 %, в Республике Коми – 52,6 %, в Республике Карелия – 50,6 %, в Архангельской области – 46,2 % при среднем по РФ в 40,6 %. Поскольку специфической особенностью системы заработной платы на европейском Севере является применение «северных льгот» – гарантий и компенсаций, основной целью которых является возмещение дополнительных материальных и физиологических затрат гражданам в связи с работой в

дискомфортных условиях Севера [2], – актуальной проблемой в сфере трудовых доходов является «неэффективность» системы районного регулирования оплаты труда, проявляющаяся в сближении средней заработной платы по представленным регионам и средней по России. В частности, уровень среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в 2010 г. в Мурманской области составил 140 % от среднероссийской (168 % в 2000 г.), в Республике Коми – 125 % (160%), в Архангельской области – 106 % (118 %), в Республике Карелия – 96 % (115 %). Озабоченность также вызывает низкий уровень заработной платы работников отдельных отраслей экономики, не обеспечивающий не только социально-приемлемый уровень потребления материальных благ и услуг, но и прожиточный минимум трудоспособного населения. Например, в Мурманской области, по данным Росстата, за апрель 2011 г. [4] заработную плату ниже $\frac{1}{2}$ прожиточного минимума трудоспособного населения получали 0,1 % работников организаций области; заработная плата на уровне и ниже стоимости 1 фиксированного набора потребительских товаров и услуг была начислена 15,5 % работников; соотношение размеров средней заработной платы 10 % наиболее оплачиваемых и 10 % наименее оплачиваемых работников составило 9,9 раз.

В регионах европейского Севера России сохраняет остроту проблема экономической бедности, когда работающие граждане не могут обеспечить себе социально приемлемый уровень жизни. Самый высокий уровень экономической бедности (17,1 %) в апреле 2011 г. сложился в Архангельской области, самый низкий (7,2 %) – в Мурманской области (в среднем по РФ 13,1 % работников имели заработную плату ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения). Что касается в целом профиля бедности по регионам европейского Севера, основными его характеристиками в 2010 г. являлись [5] преобладание в структуре малоимущих граждан, занятых в экономике (в Архангельской области 59,3 % малоимущих занимали занятые в экономике области (3,4 % – безработные), в Республике Коми – 58,8 % (6,5 %), в Республике Карелия – 54,6 % (8,2%), в Мурманской области – 49,2 % (14,6 %) при среднем по РФ уровне в 61 % (3,9 %)), а также высокая доля населения трудоспособного возраста (в Архангельской области – 60,3 % (33,6 % – дети в возрасте до 16 лет, 6,1 % – население старше трудоспособного возраста), в Республике Карелия – 58,4 % (32,1 % и 9,5 %), в Республике Коми – 61,5% (26,9 % и 11,6 %), в Мурманской области – 58,3 % (37,5 % и 4,2 %) при среднем по РФ в 64,4 % (25,5 % и 10 % соответственно)).

Библиографический список

1. Белевских Т. В. Особенности рынка труда северных территорий в переходной экономике России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Петрозаводск, 2005. – 22 с.
2. Корчак Е. А. О проблемах функционирования системы «северных» гарантий и компенсаций на современном этапе развития регионов Севера России // Мат-лы интернет-конф. 2011 г. по теме «О проблемах законодательного регулирования и предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностей». URL: <http://www.severcom.ru/kit/gar/id249.html>
3. Корчак Е. А. Совершенствование институциональных механизмов решения проблемы бедности в северном регионе РФ (на примере Мурманской области) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Апатиты, 2007. – 22 с.
4. Распределение численности работников по размерам начисленной заработной платы по субъектам РФ за апрель 2011 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/obsled/tab9.xls
5. Социально-экономические индикаторы бедности в 2007–2010 гг.: URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2011/bul_dr/bednost11.rar
6. Труд и занятость в России. 2011 : стат. сб. / Росстат – М., 2011. – 637 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ ПУТЕМ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО ВОПРОСАМ ЖИЛИЩНОГО ХАРАКТЕРА

И. В. Щитова

Аппарат Уполномоченного по правам ребенка
в Свердловской области, г. Екатеринбург, Россия

Summary. This article describes the implementation of the programs of the Sverdlovsk region, contributing to solving the housing problems of large families. After the analysis, the author shows the real mechanisms of state housing policy and tools in solving the housing problems of large families.

Key words: large family; social support large families; mechanisms and tools for implementation of the state housing policy; maternal (family) capital; regional (family) capital.

Указом Президента РФ [1] с 1992 года обязанность самостоятельно определять категории семей, которые относятся к «многодетным» и нуждаются в дополнительной социальной поддержке, возложена на регионы.

В Свердловской области многодетными считаются семьи, имеющие трех и более детей в возрасте до восемнадцати лет.

Решение жилищного вопроса является одной из наиболее значимых задач для многодетной семьи. Ни для кого не секрет, что при рождении ребенка в связи с возросшими тратами уровень материального благосостояния в семье снижается. Соответственно, решение жилищного вопроса становится более затруднительным. Для

его разрешения в Свердловской области успешно реализуются программы, помогающие многодетным семьям. В 2011 году в Свердловской области начала действовать областная целевая программа «Развитие жилищного комплекса в Свердловской области на 2011–2015 годы» [17], утвержденная Постановлением Правительства Свердловской области от 11.10.2010. В рамках этой программы многодетным семьям предоставляются социальные выплаты для решения жилищного вопроса.

Кроме того, полным ходом идет реализация программы «Молодая семья», которая предусматривает финансовую поддержку родителям, не достигшим 35 лет, для решения жилищной проблемы.

Для большей части многодетных семей предпочтительнее иметь в собственности дом, чем квартиру в многоквартирном доме, поэтому о необходимости предоставлять многодетным семьям на безвозмездной основе земельные участки под застройку высказался в ежегодном послании Федеральному Собранию президент РФ Дмитрий Медведев.

В Свердловской области многодетным семьям однократно бесплатно выдаются земельные участки для строительства дома, что также является вариантом решения жилищного вопроса.

К сожалению, в действительности получается, что многодетные семьи всего лишь ставят в очередь на получение земли, а поскольку желающих много, а участков, подготовленных для распределения, очень мало, семьи вынуждены стоять в очереди длительное время. Опыт других регионов, например Ленинградской области, показывает, что законодательно можно закрепить внеочередное право многодетной семьи на получение земельного участка. В Пермском крае и Татарстане обозначен срок выделения участка – один год. В Хабаровском крае и Якутске земля дается сразу на всех желающих. Большой участок делится на маленькие, и жеребьевка определяет, кто какой получит.

Кроме того, как федеральным, так и региональным законодательством предусмотрена социальная поддержка многодетных семей в форме материнского (семейного) капитала (МК), который также можно направить на улучшение жилищных условий семьи. Необходимо отметить, что средства регионального материнского капитала (РМК) в других субъектах можно направить не только на решение жилищных проблем, но и на другие направления, исходя из реальных потребностей семей. Так, к примеру, в Калининградской области – на приобретение предметов длительного пользования, в т. ч. автомобиля, мебели, бытовой техники, в Томской области – восстановительное, реабилитационное и санаторно-курортное лечение (в том числе по путевкам «мать и дитя») детей в возрасте до 18 лет, в Красноярском крае – на погашение долга по кредиту, взя-

тому на приобретение автомобиля и приобретение технических средств реабилитации.

Как мы видим, в Свердловской области достаточное количество программ, становясь участником любой из них или при добавлении МК или РМК к одной из программ, можно попытаться решить жилищную проблему многодетной семьи. Однако при расширении направлений использования регионального материнского капитала можно было бы снизить нагрузку на программы, поскольку семьи предпочли для себя наиболее необходимое направление использования средств, исходя из реальных нужд. В настоящее время все вышеуказанные программы являются реальными механизмами реализации государственной жилищной политики.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ № 431 от 5 мая 1992 года «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» (в ред. Указа Президента РФ от 25.02.2003 № 250). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
3. Закон Свердловской области от 07.07.2004 г. № 18-ОЗ «Об особенностях регулирования земельных отношений на территории Свердловской области». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
4. Закон Свердловской области от 20 октября 2011 года № 86-ОЗ «Об областном материнском (семейном) капитале». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
5. Закон Республики Татарстан от 26.10.2011 № 90-ЗРТ «О внесении изменений в Земельный кодекс Республики Татарстан». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
6. Закон Пермского края от 01.12.2011 № 871-ПК «О бесплатном предоставлении земельных участков многодетным семьям в Пермском крае». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
7. Закон Ленинградской области от 14.10.2008 года № 105-оз в редакции закона Ленобласти от 17.06.2011 № 48-оз «О бесплатном предоставлении отдельных категориям граждан земельных участков для ИЖС на территории Ленинградской области». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
8. Закон Республики Татарстан «О внесении изменений в Земельный кодекс Республики Татарстан» от 26.10.2011 № 90-ЗРТ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
9. Закон Пермского края от 01.12.2011 № 871-ПК «О бесплатном предоставлении земельных участков многодетным семьям в Пермском крае». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
10. Закон Хабаровского края от 29.06.2011 № 100 «О бесплатном предоставлении в собственность гражданам, имеющим трех и более детей, земельных участков на территории Хабаровского края». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
11. Закон Хабаровского края от 27.07.2011 № 112 «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, на территории Хабаровского края». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).

12. Закон Калининградской области от 11 июля № 17 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
13. Закон Томской области от 16.12.2004 № 253-ОЗ «О социальной поддержке граждан, имеющих несовершеннолетних детей» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
14. Закон Красноярского края от 9 июля № 12-5937 «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, в Красноярском крае» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
15. Земельный Кодекс республики Саха (Якутия) от 15 декабря 2010 года 888-З № 673-IV (в ред. Законов РС (Я) от 14.04.2011 925-З № 741-IV, от 10.11.2011 968-З № 849-IV, от 10.11.2011 969-З N 847-IV, от 21.02.2012 1024-З № 939-IV, от 21.02.2012 1023-З № 937-IV). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
16. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 28 декабря 1992 г. № 708 «О дополнительных мерах по социальной поддержке многодетных семей в Республике Татарстан» (с изменениями от 27 октября 1996 г., 2 сентября 1996 г., 8 января 1997 г., 3 августа 1999 г., 6 октября 2000 г., 11 июня, 17 декабря 2004 г., 6 декабря 2007 г.). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
17. Областная целевая программа «Развитие жилищного комплекса в Свердловской области на 2011–2015 годы», утвержденная Постановлением Правительства от 11 октября 2010 г. № 1487-ПП. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
18. Распоряжение Правительства Хабаровского края от 18.07.2011 № 418-рп «Об организации работы по бесплатному предоставлению в собственность гражданам, имеющим трех и более детей, земельных участков на территории Хабаровского края». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).
19. Постановление Правительства Красноярского края от 28.06.2011 г. № 384-п «О правилах направления средств (части средств) краевого материнского (семейного) капитала и правилах подачи заявления о распоряжении средствами (частью средств) краевого материнского (семейного) капитала» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2012).

РОЛЬ ДОЛГОСРОЧНЫХ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

М. А. Рудюк

Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Россия

Summary. Emerging demographic changes associated with the ageing of the population are making serious changes in the life of the world community. Therefore, it is necessary to develop and introduce innovative technologies and practices, as well as improve the quality of existing social programmes and projects aimed at enhancing the role of older persons in society.

Key words: quality of life; older people; sociological research: social projects and programs.

Современный демографический процесс старения населения имеет глубокие социальные и экономические последствия, которые ставят ряд совершенно новых задач перед учеными и практиками, занимающимися проблемами старшего поколения. Поэтому возникает необходимость формирования и развития эффективной государственной социальной политики в отношении граждан старшего поколения, которая путем комплексного решения социальных проблем должна обеспечить им социально приемлемый уровень жизни, доступность и высокое качество оказываемых им социальных услуг, необходимую медицинскую поддержку.

Государство обязано гарантировать реальное осуществление всех прав и свобод человека всеми доступными ему средствами, поэтому в целях наиболее полной реализации прав пожилых граждан на федеральном уровне во второй половине 90-х гг. XX века был применен программно-целевой метод для решения проблем старшего поколения.

В 1997 году Правительство Российской Федерации утвердило федеральную целевую программу «Старшее поколение» на 1997–1999 гг. Основопологающей целью программы было улучшение социального положения граждан пенсионного возраста, создание благоприятных условий для реализации их прав и полноценного участия в экономической, общественной, культурной и духовной жизни России, улучшение межведомственной координации при решении проблем пожилых людей [3]. В рамках программы осуществлялись мероприятия, направленные на ускорение развития и закрепление позитивных изменений качества социального обслуживания пожилых людей, а также внедрялись новые социальные технологии в этой области. Среди первых инновационных технологий социального обслуживания граждан пожилого возраста тех лет можно выделить создание разнообразных моделей мобильных социальных служб, бригад экстренной социальной помощи, «банков» вещей, пунктов проката средств ре-

билитации и предметов первой необходимости, бригад социальных работников по выращиванию огородной продукции, служб «Социальное такси», «Школа здоровья», «Домашний санаторий» и других.

Стали появляться и новые формы социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов: геронтологические, геронтопсихиатрические, реабилитационные центры, дома (отделения) милосердия, социальные центры кризисной реабилитации, учреждения социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий, специализированные отделения социально-медицинского обслуживания на дому, социально-оздоровительные центры, специальные жилые дома для одиноких престарелых, социальные квартиры.

Таким образом, благодаря мероприятиям федеральной целевой программы «Старшее поколение» интересы пожилых людей четко обозначились в качестве одного из основных приоритетов государственной социальной политики в Российской Федерации.

Начиная с 2005 года данная программа на федеральном уровне перестала действовать, но способствовала появлению аналогичных региональных и муниципальных программ. Долгосрочные целевые программы должны были обеспечить эффективное решение наиболее значимых проблем в области социального, экономического, экологического и культурного развития регионов. В процессе разработки и реализации региональных программ у государственных органов управления появилась возможность скоординировать направления действий исполнителей, сроки выполнения и источники финансирования, с учетом существующих взаимосвязей и взаимодействий участников, интеграции организаций и отраслей экономики. В бюджетах всех уровней предусматривались средства на реализацию программ, обеспечение установленных законодательством льгот, оказание адресной социальной помощи и обеспечение обслуживания пожилых людей в различных отраслях социальной сферы.

Региональные программы уже ставили своей целью не только изменение качества социального обслуживания пожилых людей, но и создание условий для повышения качества жизни пожилых людей на основе развития новой сети и совершенствования деятельности действующих учреждений социального обслуживания, обеспечения доступности медицинской, социальной и юридической помощи, социальных, образовательных культурно-досуговых и иных услуг, внедрения новых стратегий ухода, содействия активному участию пожилых людей в жизни общества [4].

Нынешняя геронтосоциальная политика также осуществляется посредством множества социальных проектов и социальных программ разного уровня (федерального, регионального, муниципального). В октябре 2010 года на заседании президиума Государственного совета Российской Федерации было принято решение о разработке

и внедрении в каждом субъекте Российской Федерации программы, направленной конкретно на повышение качества жизни пожилых людей. Разработка такого рода программ позволила уделить особое внимание насущным проблемам старшего поколения – вопросам их досуга, свободы перемещения, безопасности, удобства пользования общественным транспортом, социальной инфраструктурой. Цели программ схожи и направлены на формирование организационных и социально-экономических условий для осуществления мер по улучшению положения и качества жизни граждан пожилого возраста, повышению степени их социальной защищенности, предоставлению гражданам пожилого возраста доступа к услугам социальной защиты населения, здравоохранения, образования, культуры и досуга.

Долгосрочные целевые программы предусматривают немало новаций в социальной сфере: укрепление взаимодействия с негосударственными некоммерческими организациями, развитие услуг сиделок, организацию приемных семей, реализацию социальных проектов, направленных на интегрирование пожилых людей в социокультурную жизнь и на их социальную адаптацию, привлечение представителей старшего поколения к занятиям спортом, предоставление им льготного экскурсионного обслуживания, посещения на льготных условиях музеев, выставок и театров.

К сожалению, создатели социальных программ при их разработке часто руководствуются только статистической информацией о состоянии той или иной сферы жизни данной территории. Редко учитывают восприятие и удовлетворенность качеством жизни населения конкретного региона, что приводит в итоге к неверной «адресации» и неэффективному использованию средств, а также усугублению ситуации. Подобное поведение власти вызывает недовольство, недоверие и недопонимание в кругах населения, особенно пожилого. Поэтому при оценке факторов, влияющих на качество жизни пожилых людей, необходимо широко использовать результаты соответствующих социологических исследований, способствующих определению наиболее точных показателей. Сопоставление объективных и субъективных оценок качества жизни населения позволит определить приоритетные направления для программ социально-экономического развития территорий и избежать следующих проблем:

- неэффективного использования бюджетных средств;
- неправильной расстановки приоритетов при разработке социальных программ;
- планирования экономических и социальных мероприятий на основе неполных и устаревших данных о качестве жизни населения отдельной территории [2].

Не имея объективных и субъективных данных об условиях жизни, стандартах потребления (не только материальных ресурсов), социальном благополучии и здоровье пожилых людей, невозможно

выработать эффективную социальную политику. Большая разнородность группы пожилого населения, ее расселение на больших российских территориях требуют новых подходов к концепции по геронтосоциальной политике, в которой должны быть представлены меры, обеспечивающие доступность разных видов услуг пожилым людям и ухода за ними для безопасности и качества их жизнедеятельности [1].

Для получения более точных субъективных данных об условиях жизни старшего поколения в некоторых регионах социальные службы привлекают пожилых людей к сотрудничеству и выработке стратегий социального развития, организуя встречи с руководителями администраций городов, градообразующих предприятий, учреждений, организаций. Часто в результате таких встреч происходят существенные изменения в качестве жизни пожилых людей (например, телефонизация отдельных участков, решение проблем с транспортом, водоснабжением, организацией досуга и т. д.) [5].

Кроме того, проводятся письменные и устные опросы общественного мнения (в частности инвалидов и пожилых), которые позволяют вовлечь их в выработку и внедрение новых моделей и форм социального обслуживания, позволяют участвовать в планировании услуг. Обратная связь дает возможность пожилым людям успешно выполнять социальные роли, адаптироваться к изменениям окружающей обстановки, повышает чувство самоуважения, позволяет пожилым людям вырабатывать чувство внутреннего контроля над ситуацией, становиться компетентными.

Реализация долгосрочных целевых программ, осуществление мер по развитию социальной инфраструктуры, разработка и реализация социальных проектов, имеющих большую общественную значимость, поиск новых социальных технологий, повышающих качество жизни пожилых людей в современных социально-экономических условиях, а также просветительская работа среди населения пожилого возраста, направленная на организацию правильного питания, профилактику заболеваемости и раннего старения, во многом будут способствовать решению проблемы достойной старости.

Библиографический список

1. Данилова Р. И., Голубева Е. Ю., Емельянова А. С. Демографические аспекты социальной безопасности пожилого населения в Баренцево-Евроарктическом регионе // Успехи геронтологии. – 2010. – Т. 23. – № 4. – С. 509–517.
2. Колбасина А. Г. Разработка методики оценки качества жизни населения территорий (на примере г. Красноярск). URL: http://ram.ru/upload/old_ram_files/activity/comp/bp2003/files/std09.pdf (дата обращения: 17.08.11).

3. Концепция государственной социальной политики в отношении граждан старшего поколения на период до 2010 года. URL: <http://uni.ulsu.ru/OLD/concept.htm> (дата обращения: 26.05.11).
4. Куприянова Т. Пожилой человек, его проблемы и их решение. URL: <http://cogita.ru/analitka/pozhiloi-chelovek-ego-problemy-i-ih-reshenie>. (дата обращения: 20.11.11).
5. Шумилова Л. Б. Привлечение пожилых людей к выработке стратегии социального развития // Социально-психологическая работа с пожилыми людьми: опыт Кузбасса : сб. учеб.-метод. ст. / под ред. О. В. Красновой. – М. : МПГУ, 2002. – С. 201–203.

IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКЕ В МОУ ДОД «ЦЕНТР ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ „ДЕТСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ”» Г. МАГНИТОГОРСКА

Е. В. Мишуковская

Центр эстетического воспитания детей
«Детская картинная галерея», г. Магнитогорск, Россия

Summary. The article discusses some of the methods of teaching computer graphics. In the form of lectures, discussions and descriptions of practical training.

Key words: methods of teaching; computer technologies; 3D graphics.

Педагогика давно искала пути достижения если не абсолютно-го, то хотя бы высокого результата в работе с группой или классом и постоянно совершенствовала свои средства, методы и формы. Много веков назад, при зарождении педагогики, считалось, что необходимо найти какой-то прием или группу приемов, которые позволяли бы добиваться желаемой цели. Так появились различные методики. Время шло, у практиков накапливался опыт, они создавали новые, более эффективные методики. Однако результаты практической работы по создаваемым методикам не всегда отвечали все расширяющимся требованиям. В результате педагогика накопила в своем арсенале значительное число эффективных методик. В педагогической литературе нет единого мнения относительно роли и определения понятия «метод обучения». Так, Ю. К. Бабанский считает, что «методом обучения называют способ упорядоченной взаимосвязанной деятельности преподавателя и обучаемых, направленной на решение задач образования». Т. А. Ильина понимает под методом обучения «способ организации познавательной деятельности учащихся». В истории дидактики сложились различные классификации методов обучения, наиболее распространенными из которых являются:

1) по внешним признакам деятельности преподавателя и учащихся: лекция, беседа, рассказ, инструктаж, демонстрация, упражнения, решение задач, работа с книгой;

2) по источнику получения знаний: словесные, наглядные, практические; по степени активности познавательной деятельности учащихся; по логичности подхода.

Метод обучения – процесс взаимодействия между преподавателями и учениками, в результате которого происходит передача и усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных содержи-

ем обучения. Прием обучения (обучающий прием) – кратковременное взаимодействие между преподавателем и учениками, направленное на передачу и усвоение конкретного знания, умения, навыка. По сложившейся традиции в отечественной педагогике методы обучения подразделяются на три группы: 1) пассивные методы; 2) активные методы; 3) интерактивные методы.

Очевидно, что совершенствование методик надо продолжать. Сегодня каждый педагог ищет наиболее эффективные пути усовершенствования учебного процесса, повышения заинтересованности учеников и роста успеваемости учащихся. В этом направлении мы видим наиболее важным внедрение компьютерных технологий обучения. Работая в системе дополнительного образования, в МАОУ ДОД «Центр эстетического воспитания детей „Детская картинная галерея”» г. Магнитогорска, в процессе изучения компьютерной графики мы предлагаем разные методы обучения учащихся в зависимости от тематики. Например, при проектировании учебного задания «Современный город» в 3D-редакторе 3D Studio Max предлагаем лекцию, посвященную основам работы в программе: знакомство с интерфейсом, навыки работы с примитивами, с основными модификаторами. Затем проводится беседа на тему современной архитектуры мегаполисов, организации городского пространства. Далее – экскурсия по новым районам родного города. Практические занятия посвящены закреплению навыков работы в 3D-редакторе. Выполнение задания начинается с эскизирования – творческого поиска, представленного в виде предварительного рисунка или наброска, фиксирующего замысел и содержащего основные очертания создаваемого объекта. На этом этапе учащиеся задействуют не только воображение, образное мышление и интеллектуальные возможности, но и показывают степень владения техникой рисования. Выполнение моделирования города в графическом редакторе необходимо начать с построения плоскости, на которой будет моделироваться сцена. Затем приступить к моделированию зданий. Здания можно создавать с помощью примитивов-боксов, а затем добавлять к ним элементы с помощью других примитивов. Вариантов построения архитектурных сооружений из примитивов очень много, здесь возможно любое проявление навыков, умений и фантазии. Причем благодаря редактированию и преобразованиям примитивов с помощью модификаторов можно создать многовариантные здания, не затрачивая при этом ресурсов памяти компьютера и программы. На этом этапе проектирования учащиеся еще в большей степени должны углубиться в творческие поиски, которые теперь направлены на воплощение созданного ими идеального образа в художественный посредством компьютерной графики. Из многообразия способов моделирования учащиеся должны выбрать те, которые позволят максимально быстро и качественно выполнить задание. Кроме того,

задействуются интеллектуальные способности при поиске нестандартных подходов к моделированию, разработке собственных приемов и нахождении наиболее оптимальных путей решения проектной задачи. Если не задаваться целью детальной проработки смоделированного трехмерного города, то можно приступить к его текстурированию. Текстурирование есть не что иное, как метод в компьютерной графике для придания более реалистичного и насыщенного вида поверхности объектов. Чтобы «раскрасить» все элементы сцены, а также наделить их такими физическими свойствами материалов, как прозрачность, шершавость, способностью отражать и преломлять свет и т. д., необходимо для каждого объекта сцены установить характеристики материала, или текстурировать сцену. В трехмерной графике реалистичность визуализированного изображения зависит от трех главных факторов: качества созданной трехмерной модели, удачно выполненных текстур и освещения сцены. Создание реалистичного освещения в сцене – одна из самых больших проблем при разработке трехмерной графики. По умолчанию 3ds max использует свою систему, которая равномерно освещает объекты трехмерной сцены. При такой системе освещения на финальном изображении отсутствуют тени, что выглядит неестественно. Чтобы объекты отбрасывали тени, в сцену необходимо добавить источники света. На данном этапе работы мыслительная деятельность учащихся направлена на создание более реалистичного изображения города. Для этого необходимо проанализировать всплывающие в памяти представления о городской среде, основываясь на них, создать свою интерпретацию реалистичности. Следующий важный момент – визуализация сцены. Визуализация в общем смысле – метод представления информации в виде оптического изображения (например, в виде рисунков и фотографий). В дальнейшем помимо архитектурных сооружений можно наполнить город различными средовыми объектами: фонарями, баннерами, остановочными комплексами, дорогами и пр. Процесс моделирования сцены может быть продолжен и дальше.

Таким образом, трехмерное моделирование становится не только средством развлечения, но и средством обучения – совершенствования навыков работы в 3D-графике, развития пространственного и образного мышления, интеллекта учащихся.

Библиографический список

1. Бабанский Ю. К. Проблемы повышения эффективности педагогических исследований: дидактический аспект. – М., 1982.
2. Леонтьев А. А. Педагогическое общение. – М., 1979.
3. Шиянов Е. Н., Котова И. Б. Развитие личности в обучении. – М., 1999.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

С. Г. Юсупова

Дагестанский государственный педагогический
университет, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Summary. The article deals with the process of economic education senior preschool and primary school children in preschool and elementary school.

Key words: education; preschool pedagogy; economic culture.

Экономическое воспитание дошкольников – сравнительно новое направление в дошкольной педагогике. В научных исследованиях последних лет (Л. М. Кларина, А. Д. Шатова, Е. А. Курак, Л. И. Галкина и др.), посвященных экономическому воспитанию личности на этапе дошкольного детства, приоритетными определяются такие морально-психологических качества, как бережливость, экономность, заботливость, прививаемые через участие ребенка в различных видах деятельности. Ребенок очень рано включается в экономическую жизнь семьи, сталкивается с деньгами, рекламой, ходит с родителями в магазин, участвует в процессах купли-продажи, овладевая таким образом экономической информацией на житейском, часто искаженном уровне. Ведь это не просто информация, а «контур того, что условно может быть названо мировоззрением – мировоззрением в том смысле, что в этих общих представлениях начинают складываться тенденции не просто к знанию об одиночных фактах, а к знанию об их связи» (Д. Б. Эльконин). Привитие детям дошкольного возраста начальных экономических представлений и нравственно-ценностных ориентаций может способствовать дальнейшему формированию социально-активной личности, соответствующей изменяющимся современным экономическим процессам и способной самостоятельно и творчески принимать экономические решения.

Обобщение современных научных исследований, анализ педагогического опыта позволяют сделать вывод, что процесс экономического воспитания детей предусматривает освоение экономических знаний, формирование убеждений, навыков, потребностей и поведения и должен характеризоваться единством, целостностью и преемственностью. Анализ современных исследований и публикаций последних лет свидетельствует также о важности формирования предпосылок экономической культуры у детей на более ранних этапах потребительского развития.

Особое значение приобретает установление преемственности в экономическом воспитании между дошкольным и младшим школьным возрастом, когда ребенок овладевает базисом личностной культуры как средоточием ценностных отношений к действительности.

Дошкольный и младший школьный возраст – это одна эпоха человеческого развития, именуемая детством, представляющая собой «совершенно особенный, хрупкий, социально не адаптированный, находящийся в стадии легко ранимого физического, эмоционально-нравственно-эстетического, духовного становления слой общества» [3, с. 13]. В силу таких особенностей этот слой общества требует к себе особого внимания и отношения со стороны всех основных социальных институтов воспитания, способствующих становлению социально адаптированной личности в ее многогранных ценностных отношениях к социальной действительности, и в частности к ее экономической стороне.

Библиографический список

1. Аменд А. Ф. Экономическое воспитание младших школьников. – Челябинск, 1982. – 177 с.
2. Аменд А. Ф. Пути совершенствования экономического воспитания учащихся в общеобразовательной школе : автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 1975. – 29 с.
3. Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского). – М. : Тривола, 1994. – 168 с.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. В. Гумбатова

Институт опережающего образования,
г. Екатеринбург, Россия

Summary. This paper addresses the problem of the use of public-private partnership (PPP) in the Russian vocational education. After the analysis, the author proves the failure of the regulatory framework for setting out issues, identifies and describes the characteristics of forms of PPP in the Russian Federation, provides a comparison with their foreign counterparts. The article explains the idea of promising public-private partnership in the implementation of the modernization of economic and social development.

Key words: public-private partnership arrangements realization of the principles of PPP, private sector, local nature of PPP, a PPP project, the voucher program.

Мировой опыт показывает, что государственно-частное партнерство (ГЧП) является одним из способов эффективной реализации модернизации экономических и социальных областей развития страны. Основной целью реализации механизма ГЧП в среднем профессиональном образовании является развитие инфраструктуры

в интересах общества и государства путем объединения ресурсов и опыта каждой из сторон.

ГЧП в образовании на сегодняшний день широко распространены во многих странах благодаря тем преимуществам, которые они предлагают образовательному сектору. Во-первых, они помогают повысить эффективность расходования средств; во-вторых, дают возможность государству воспользоваться специальными навыками, которыми могут не обладать государственные служащие, в-третьих, ГЧП дают возможность государству удовлетворять новый спрос и облегчают процесс внедрения инноваций в обучение.

Особое внимание государственно-частному партнерству уделил министр общего и профессионального образования Свердловской области *Юрий Иванович Биктуганов* в докладе «Об основных итогах развития системы образования в Свердловской области в 2010 году и перспективных направлениях развития в 2011 году» [1]. Так, анализируя состояние начального профессионального образования в нашей области, он отмечает, что *«различными видами научной, научно-технической, научно-исследовательской деятельности занимаются 1 394 организации. Из них 145 относятся к базовым и специализированным по видам институтам, имеющим необходимую, производственную и нормативно-техническую базу и соответствующую квалификацию специалистов. Большая часть исследований направлена на развитие металлургии, машиностроения, металлообработки, решение экологических проблем, что отражает структуру и специфику хозяйственного комплекса области»*. Очевидна тесная взаимосвязь между государством и бизнесом в вопросах подготовки квалифицированных кадров для предприятий.

Данная форма ГЧП позволяет достичь позитивных эффектов в системе среднего профессионального образования Свердловской области в соответствии с установленными показателями результативности.

Однако в России до сих пор не существует отдельного закона, регулирующего на федеральном уровне все вопросы, возникающие в сфере ГЧП. На сегодняшний день законы о ГЧП приняты лишь в нескольких субъектах РФ, в том числе и Свердловской области – *Закон Свердловской области от 23 мая 2011 г. № 28-ОЗ «Об участии Свердловской области в государственно-частном партнерстве»*, где определены формы участия Свердловской области в государственно-частном партнерстве [2]. В *Рекомендациях по обеспечению механизма социального партнерства в системе СПО* [3] (письмо Минобрнауки РФ от 01.11.03 № 19-52-1130/19-28) указаны основные направления развития социального партнерства в системе СПО: совершенствование содержания образования, изучение рынка труда, кадровое обеспечение образовательного процесса, материально-техническое обеспечение, привлечение дополнительных финансо-

вых средств. **Но отсутствие четких финансовых механизмов при реализации принципов государственно-частного партнерства в значительной степени тормозит процесс внедрения ГЧП в образование. Анализ сегодняшней ситуации говорит о том, что масштабных сдвигов в организации эффективных партнерств среднего профессионального образования и бизнеса в Российской Федерации не достигнуто. В настоящее время в России можно констатировать локальный характер развития государственно-частного партнерства в виде проектов.**

Эффект от партнерства государства с негосударственным сектором многогранен и не должен сводиться к ограниченному числу форм взаимодействия. В частности, ГЧП в разных странах помогли справиться с проблемой плохой успеваемости за счет ориентированности на результат и жесткой подотчетности. Более того, частные учебные заведения профессионального образования создали реальную конкуренцию государственному сектору образования и заставили зачастую неэффективные государственные учебные заведения вносить инновации в процесс обучения. Кроме того, ГЧП в профессиональном образовании, и в особенности ваучерные программы, предоставившие право выбора учебного заведения низкодоходным семьям, сыграли не малую роль в расширении доступа к образованию. Многие ваучерные программы в США, Чили, Швеции и других странах значительно увеличили представленность этнических меньшинств и других социально незащищенных групп в системе образования.

Библиографический список

1. Биктуганов Ю. И. Доклад. Об основных итогах развития системы образования в Свердловской области в 2010 году и перспективных направлениях развития в 2011 году. URL: <http://minobraz.ru> (дата обращения: 02.10.2012).
2. Закон Свердловской области от 23 мая 2011 г. № 28-ОЗ «Об участии Свердловской области в государственно-частном партнерстве». Ст. 4. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 02.10.2012).
3. История развития ГЧП за рубежом. Организация программы PFI в Великобритании-контракт, компаратор затрат, программы по секторам. URL: www.prrpinrussia.ru (дата обращения: 02.10.2012).
4. Пономарев М., Расторгуева И. Частно-государственное партнерство в сфере образования. URL: <http://politmanagement.ru> (дата обращения: 02.10.2012).
5. Практическое руководство по вопросам эффективного управления в сфере государственно-частного партнерства. Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций // Нью-Йорк; Женева: Организация Объединенных Наций, 2008.
6. Резниченко Н. В. Модели государственно-частного партнерства. – М., 2010.
7. Рекомендации по обеспечению механизма социального партнерства в системе СПО // Письмо Минобрнауки РФ от 01.11.03 № 19-52-1130/19-28. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 02.10.2012).

РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В ГУБЕРНСКОМ ГОРОДЕ СИМБИРСКЕ В 1880–1890-е ГОДЫ

А. Н. Прохорова
Ульяновский государственный педагогический
университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

Summary. The article analyzes the libraries in the provincial city of Simbirsk in the last two decades of the XIX century. The author looks at the state of book funds, funding sources, the social composition of the readers of different libraries. He pays special attention to the analysis of the role of libraries in the cultural life of the provincial center.

Key words: public libraries; libraries in clubs; libraries in schools; public libraries-reading rooms; commercial libraries.

Одной из составляющей модернизации современного российского общества является формирование культурной среды как одного из элементов качества жизни человека. Не случайно в настоящее время возрастает интерес к наследию русской культуры, в которой выражена ценность духовного опыта личности, тяготеющей к самопознанию, интеллектуальному творчеству. Особую актуальность приобретает изучение процесса становления библиотечного дела в губернских городах России в 80–90-е годы XIX века, когда, вследствие проведенных в предыдущее двадцатилетие «великих реформ», повышается уровень грамотности и растет потребность населения в книге. Согласно «Концепции развития библиотечного дела в Российской Федерации до 2015 года», приоритетными задачами являются развитие материально-технической базы библиотек, обеспечение сохранности библиотечных фондов, формирование устойчивого интереса к чтению [6].

В 1880–1890-е годы в губернских городах Среднего Поволжья, в том числе Симбирске, сосуществовали личные, публичные, специальные, коммерческие, народные библиотеки. Коллекции личных библиотек стали более систематизированными. Специальные библиотеки развивались в рамках досуга, образования, политического и религиозного просвещения. Перспективным предприятием становится устройство коммерческих библиотек. Народные библиотеки практиковали бесплатное обслуживание читателей из низших сословий [7, с. 30–33, 38–43]. Самой многочисленной категорией читателей оставались дворяне и чиновники, основной читательской группой – учителя, мещане и учащаяся молодежь [8, с. 122].

Большое влияние на распространение знаний в России в конце XIX века оказывали общественные библиотеки. Интеллигенция настойчиво выступала за их открытие, стремясь привить широкой публике уважительное отношение к книге. Центром культурной

жизни города Симбирска являлась Карамзинская общественная библиотека. В состав комитета библиотеки входили виднейшие представители культуры, в здании библиотеки проводились литературные вечера, отмечались праздники и юбилеи. Книжный фонд библиотеки заметно увеличился: если в конце 1880 года он состоял из 11276 названий в 26226 томах, то в 1895 году книг в библиотеке было более 36 тысяч. Преобладали произведения художественной литературы. Согласно отчету за 1894–1895 год, наиболее популярными среди читателей были произведения И. А. Гончарова, А. П. Чехова, Ж.-Б. Мольера, А. Данте. Наибольший интерес для абонентов представляли журнал «Вестник Европы», газеты «Новое время», «Симбирские губернские ведомости» [1, л. 2–3; 3, л. 100 об. – 101].

В исследуемый период библиотека столкнулась с рядом трудностей. Введенные в 1882 году дополнения к «Временным правилам» значительно ограничили круг литературных произведений, которые могли поступать в библиотеки. По указу 1887 года студенчеству временно запретили пользоваться общественными библиотеками губернских городов. Запрещенные цензурой произведения стали распространяться среди молодежи через нелегальные кружки самообразования.

Библиотека хронически испытывала недостаток средств. Общественные библиотеки существовали в основном за счет членских взносов комитета и частных пожертвований, что не позволяло регулярно обновлять фонды и сужало читательскую аудиторию. Министерство народного просвещения выделяло библиотеке лишь 300 рублей, а Городская дума – 150. Поступление же членских взносов в 1886 году составило 30 рублей, а в 1887 – 15. Если в 1881 году книги и ноты под залог брали на дом 1080 человек (среди них – 86 юношей из классической гимназии и 10 девушек из Мариинской), то через 4 года на дом литературу брал 581 человек (44 и 6 соответственно). Если в 1883 году на переплетные работы было израсходовано 285 рублей 60 копеек, то на приобретение новых книг – лишь 43 рубля 15 копеек [4, л. 98–99]. В пополнении книжного фонда библиотеки большую роль играли частные пожертвования. В 1888–1889 годах поэт Д. Д. Минаев подарил иллюстрированное издание «Божественной комедии» А. Данте при условии доступа к нему всех читателей [12, с. 34–42].

В конце XIX века быстрое развитие получили библиотеки в клубах (например, Всесловном Общественном собрании) и учебных заведениях (гимназиях, Духовной семинарии, Чувашской учительской школе). Библиотека при семинарии была открыта в 1897 году. В ней преобладали книги и брошюры религиозного содержания. Симбиряне могли брать книги из вновь открытой библиотеки по окончании «внебогослужебных собеседований» в праздничные дни, а в будни после церковных служб. Библиотека была организована на средства епископа симбирского и сызранского Ни-

кандра и Братства Трех Святителей. К середине 1898 года в ней было 310 экземпляров книг [11].

Известная в Симбирске общественная деятельница А. А. Знаменская 17 января 1893 года открывает первую бесплатную народную библиотеку-читальню в память И. А. Гончарова [2, л. 3–4]. Большинство ее читателей составляли мещане и крестьяне, учащиеся низших учебных заведений, прислуга. Губернатор дал разрешение на открытие читальни при условии наличия ко времени открытия не менее 300 рублей и 300 книг. Книги собирали постепенно: посещали квартиры жителей, приняли дарения от Петербургского и Московского комитетов грамотности, а 13 редакций журналов обязались высылать бесплатно свои издания. Кроме того, родственники симбирского поэта Д. П. Ознобишина передали небольшое количество книг и журналов XIX века из его личной библиотеки. Всего набрали около 700 рублей и 400 книг.

В первый же год своего существования новая библиотека превзошла Карамзинскую по основным показателям. Если последняя имела 553 абонента и 16507 выдач изданий [12, с. 35], то читальня – 864 и 23829 соответственно. Несмотря на то, что «Правила» предписывали читальням сосредоточить внимание на книгах религиозно-нравственного и патриотического содержания [10], в библиотеке имени Гончарова были наиболее популярные журналы и учебные пособия. В пользу нее устраивались спектакли и концерты. В октябре 1893 года Городская дума выделила ей пособие в 100 рублей и предоставила бесплатно зал 5-го женского училища, свободный во внеурочное время [5, л. 5–6].

В октябре 1899 года А. А. Знаменская открыла в городе частную платную публичную библиотеку. В то время на частные библиотеки не распространялись ограничения в литературе. Но читателей в ней было мало, тогда в обход правил наиболее любознательным читателям бесплатной библиотеки стали выдавать книги из фонда платной [9].

Таким образом, в 1880–1890-е годы в Симбирске библиотеки были центрами культурной жизни города, занимались просветительской деятельностью. При этом если Карамзинская общественная библиотека теряет доверие горожан, то народная библиотека-читальня имени И. А. Гончарова пользуется большой популярностью у симбирян.

Библиографический список

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 354.
2. ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 551.
3. ГАУО. Ф. 76. Оп. 8. Д. 379.
4. ГАУО. Ф. 76. Оп. 8. Д. 480.
5. ГАУО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 956.

6. Концепция развития библиотечного дела в Российской Федерации до 2015 года // Библиотечный форум. URL: <http://www.booksite.ru/forum/document/document8.htm> (дата обращения: 13.10.2012).
7. Курмаев М. В. Книжная культура Среднего Поволжья конца XVIII – начала XX вв. (на материалах Пензенской, Симбирской и Самарской губерний) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Самара, 2010. – 50 с.
8. Матвеев М. Ю. Особенности развития общественных библиотек в губернских городах России // Библиотековедение. – 1995. – № 4–5. – С. 120–128.
9. Патуткина В. Именем Гончарова названа // Ульяновск сегодня. – 2003. – 31 января.
10. Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними // Вестник Симбирского земства. – 1896. – № 4. – С. 14–17.
11. Родников В. Народная библиотека при Семинарском храме // Симбирские епархиальные ведомости. – 1898. – № 15 (отд. неофиц.).
12. Трофимов Ж. А. Симбирская Карамзинская общественная библиотека: исторический очерк. – М. : Россия молодая, 1992. – 50 с.

РЕГИОН КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Т. Н. Кучинская

**Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Забайкальский край, Россия**

Summary. This article examines region as a new form of organizing sociocultural space generated in conditions of globalization and regionalization. The author identifies the essence of the concept and its differentiating features; claims productivity of the regionological approach to building the model of national sociocultural space.

Key words: region; sociocultural space; sociocultural system; regionological approach.

Философское осмысление трансформационных сдвигов, происходящих в современном социокультурном пространстве мира, базируется на диалектическом единстве и взаимообусловленности идей глобальности и региональности. Глобализация формирует мировое социокультурное пространство, обретающее онтологическую общность, интегративность, целостность; влияет на социокультурную динамику стран, разрушая устойчивые модели пространственных связей, размывая административные границы, обуславливая их стремление к регионализации. Региональность проявляется в гетерогенности, дифференцированности, фрагментированности, локализме, самодостаточности, самобытности и исключительности региональных социокультурных практик. Государствоцентрическая парадигма определяется по-новому: современный мир превращается в мир регионов – новую форму организации глобального социокультурного пространства.

Регионализм как парадигма и новый тип научного мышления оперирует базовыми понятиями региона, объясняющими сущность взаимодействия и взаимосвязи локального, регионального, странового (национального) и глобального уровней организации социокультурного пространства. Особую когнитивную ценность приобретает интерпретация термина «регион» как разноуровневого социокультурного образования, бытующего в форме *регионов мира*, полностью или частично охватывающих территории двух или более государств; *государств-регионов* как целостных расширяющихся / сужающихся национальных пространств-подсистем мирового социокультурного пространства; *внутренних регионов* как части национального социокультурного пространства.

Выделение надгосударственных регионов (геокультурных, геотноткультурных, социокультурных систем) тесно связано с цивилизационными теориями Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби; геософскими концепциями Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Л. Н. Гумилева; теориями «историко-культурных зон» А. С. Герда, Г. С. Лебедева, В.-Р. Л. Кришюнаса. Среди современных разработок ученых в области культурно-цивилизационного районирования мира следует особо отметить концепцию социокультурных систем (СКС) Д. В. Николаенко [6].

В качестве новых участников социокультурной пространственной реструктуризации мира начинают выступать *институтированные макрорегионы* – интеграционные объединения и группировки, созданные в разных регионах мира – Европейский союз (ЕС), Евразийский союз (ЕАС), Южноамериканское сообщество наций (ЮАСН), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Восточноазиатское сообщество (ВС) и др. В основе их выделения также лежит *социокультурный код* (В. А. Дергачёв) – устойчивые культурно-генетические признаки, обеспечивающие региональную целостность [3, с. 40].

В процессе глобализации также формируется новая форма регионализации – «*глобальная регионализация*», что ведет к складыванию инновационной пространственной структуры с выделением «государства-региона», «государства в ранге региона мира» (Россия, Китай, Индия, США и др.), что подразумевает «расширяющееся» социокультурное пространство, усиление их геополитического, экономического влияния, наращивание совокупной мощи и усиление «мягкой силы» [1]. «Регион» понимается как единица социокультурной соорганизации и связей социокультурных процессов со развития, динамично развивающегося глобального актора, деятельность которого направлена на стабилизацию своей структуры в архитектонике социокультурного пространства мира.

Выделение «внутренних» регионов в рамках определенного государства является сложной малоисследованной методологиче-

ской задачей. Первые попытки концептуализации региона как новой формы организации национального социокультурного пространства и выявления его структуры отмечаются в работах отечественных авторов – В. А. Абрамова, Г. А. Аванесовой, О. Н. Астафьевой, Л. А. Беляевой, Н. В. Живенок, И. А. Зеленева, Е. Т. Зинкова, Е. А. Кагай, Н. И. Лапина, Т. Ф. Ляпкиной, А. Э. Мурзина, Е. И. Нарожного, В. Е. Науменко, В. А. Писачкина, Л. Г. Скульмовской, Л. В. Смирнягина, Р. Ю. Федорова, Е. В. Хлыщевой, В. С. Цукермана, Н. С. Южалиной и др. Актуальным в современной науке остается вопрос о наборе структурообразующих элементов регионального социокультурного пространства и критериев социокультурного районирования. Наиболее комплексно данные проблемы разработаны в исследованиях Г. А. Аванесовой, О. Н. Астафьевой [2] и коллектива авторов Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н. И. Лапина [5].

В целом понятие «регион» в качестве социокультурного *пространства становится общепринятым, а регионологический подход* является эффективной формой исследования проблем социокультурных трансформаций как страны в целом, так и ее отдельных частей. Подобное методологическое положение позволяет рассматривать национальное (государственное) социокультурное пространство как совокупность региональных пространств. Национальное социокультурное пространство образуется взаимодействием регионов в качестве социокультурных реальностей, дифференцированных в региональных практиках на основе интегративных / дезинтегративных признаков: разнообразие геокультурных ландшафтов, обладание социокультурным потенциалом, уникальность региональной культуры, этно-религиозные характеристики регионального социума, процессы формирования региональной социокультурной идентичности, формирования культурных брендов. Место каждого из региональных пространств определяется через отношение к другому социокультурному пространству в рамках устоявшихся моделей «центр – периферия», «внутренние регионы – окраинные (приграничные) регионы», «трансграничные регионы» [4].

Роль окраинных (приграничных) регионов рассматривается по-новому – через призму идей «лимитрофности» (Б. Б. Родоман, В. Л. Каганский, Яровенко, Н. Б. Живенок) – возможности отторжения от национального пространства пограничных территорий. Приграничные регионы выступают структурными элементами трансграничного региона, обнаруживая трансграничность как новую социокультурную форму кросскультурного взаимодействия.

Библиографический список

1. Абрамов В. А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. – М. : Восточная книга, 2010. – С. 91.

2. Аванесова Г. А., Астафьева О. Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. – М. : РАГС, 2004. – 424 с.
3. Дергачев В. А., Вардомский Л. Б. Регионоведение. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 463 с.
4. Кучинская Т. Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: в поисках когнитивной модели исследования // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. – С. 297–297.
5. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовый инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М. : ИФРАН, 2010.
6. Николаенко Д. В. Пространственно-временная динамика процессов социокультурного освоения территорий : дис. ... д-ра геогр. Наук : 11.00.02. – Харьков, 1999. – 399 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕТЕЙ В РОССИИ

А. Г. Ложкин

**Уфимская государственная академия экономики и сервиса,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия**

Summary. Formation of the institutional foundations of entrepreneurship as a basic premise of becoming a socially oriented market economy at the present stage of development includes the creation of an effective process management system of expanded reproduction, traditionally understood not socially but technologically. However, the functioning of the business – is not only the economic but also the socio-cultural phenomenon, to which increasing attention of researchers should be regarded as humanization of the entrepreneurship.

Key words: entrepreneurial network; economic ties; social and inter-firm cooperation; socio-cultural conditions.

Теория институциональных матриц С. Г. Кирдиной определяет, что действует принцип доминантности базовых институтов. Он выражается в том, что в каждом конкретном обществе базовые институты, характерные для его институциональной матрицы, доминируют над институтами комплементарными.

Комплементарные институты носят вспомогательный, дополнительный характер, обеспечивая устойчивость институциональной среды в той или иной сфере общества [1, с. 69]. Следовательно, в перспективе в России, независимо от экономической, политической, международной конъюнктуры, будет полноценно реализовано главенство базовых институтов, характерных для российского общества, но при этом существенно обновятся и модернизируются формы, в которых они проявляются.

Продолжится поиск ниш для комплементарных институтов, являющихся в свою очередь базовыми в альтернативной институциональной У-матрице, для которой характерны:

- в экономической сфере – институты рыночной экономики;
- в политической сфере – институты федеративного политического устройства;
- в идеологической – институты субсидиарной идеологии, закрепляющие главенство личности относительно всех организаций, участником которых она является.

Следовательно, комплементарные институты могут работать не сами по себе, а в рамках, задаваемых институциональной матрицей нашего общества. Так, в сфере экономики речь идет о закреплении элементов рыночного механизма – конкурсности, выделении сегментов для индивидуального предпринимательства, четком правовом обособлении прав собственности на все объекты хозяйствования. Политическая жизнь дополняется законодательно регулируемыими выборами, элементами местного самоуправления. В идеологической сфере формируется понятие социального государства [1, с. 64–65].

Таким образом, имеются и отечественные особенности, в числе важнейших из которых стоит отметить следующие.

1. Рядом авторов описывается социокультурная особенность, выражающаяся в общественной традиции хозяйствования. Как отмечает О. А. Фихтнер [4], средневековая торговля Руси носила ярко выраженный кооперативный характер, что нашло отражение в организации различных купеческих объединений, складничестве, устройстве гостиных дворов в крупных торговых центрах. Е. А. Рыбиной [2] описано, что купеческие гильдии занимались не только организацией и обеспечением безопасности торговых поездок, но и гарантировали ее членам определенные привилегии в торгующей стране, строили собственные церкви, которые служили одновременно надежным хранилищем товаров.

2. Далее, существенное влияние имеет незавершенность переходных процессов развития экономики России. На начальном этапе рыночных преобразований было выявлено, что при декларировании экономической свободы на деле стереотипы прошлого еще продолжают действовать на общественное мировоззрение [5, с. 3–4]. На практике предпринимательские активность и поведение, равно как и формы и цели, предпринимательского – сетевого – взаимодействия «человека советского» в новых условиях весьма специфичны.

3. Сохраняющееся транзитарное состояние экономики, которое проявляется в противоречиях, складывающихся между обстоятельствами взаимодействия имеющихся производственных комплексов, связи между которыми сформированы в условиях «плановой» кооперации, и формированием новой среды, обеспечивающей воспроизводство на основе предпринимательской инициативы, где становление и развитие хозяйственных связей имеют существенные особенности и не подчиняются прежним закономерностям.

Трансформация хозяйственного механизма национальной экономики с необходимостью требует адаптации условий организации такого взаимодействия, т. е. изменения института хозяйственных связей. Однако прилагаемые организационно-экономические усилия в данном вопросе не обеспечивают превышение центробежных сил над центростремительными в сетевых процессах в предпринимательском сообществе.

4. Такая транзитарность накладывается на специфику процессов реформирования. Как указывает Т. А. Селищева, «одна из особенностей современного этапа развития российской экономики заключается в том, что в ней происходят параллельно два переходных процесса: к рынку и к информационной стадии развития... В экономике СССР сложились глубокие диспропорции между гражданской и военной экономикой, производством средств производства и предметов потребления, производственной и социальной сферами, сырьевой и обрабатывающей промышленностью и т. д. СССР, несмотря на созданную мощную индустриальную экономику, «пропустил» революцию в информационных технологиях, которая произошла в середине 70-х гг. XX в.» [3, с. 5].

5. Повышенное внимание к технологическим факторам развития сетей предпринимательских структур оставляет в стороне тот факт, что информационные технологии суть есть способ – форма – обеспечения предпринимательского взаимодействия, тогда как собственно сетевое взаимодействие – это технология социальная. Наблюдающаяся сегодня вторичность содержания социальных технологий по отношению к форме – информационным технологиям – также выступает важнейшей социокультурной особенностью, приводящей, однако, к постепенному повышению внимания исследователей к данному явлению.

Библиографический список

1. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск : ИЭ и ОПП СО РАН, 2001.
2. Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. – В. Новгород : Новгородский гос. ун-т им. Я. Мудрого, 2001. – 390 с.
3. Селищева Т. А. Структурные трансформации и проблемы формирования информационной экономики России : дис. ... д-ра экон. наук. – СПб., 2006.
4. Фихтнер О. А. Сетевая предпринимательская культура в России // Экономический журнал. – 2011. – № 1 (21). URL: http://www.economicarggu.ru/2011_1/fihtner.pdf
5. Юнусов И. А. Малое предпринимательство в условиях постиндустриальной эволюции национальной экономики : дис. ... канд. экон. наук. – Казань, 2006.

V. ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Н. С. Дягилева

Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

Summary. Urban identity consists of several components. The first one and the main one is the dichotomy of the city-village. It means the assimilation of the norms and values of the urban residents in contrast to the rural way of life. In this article we will discuss the factors of identity formation of urban and rural population.

Key words: urban identity; urban and rural way of life; the city-village.

Городская идентичность – результат процесса социальной категоризации, основанием для которой выступает принадлежность человека к той или иной городской общности [4, с. 32]. Социальной ин-группой (группой членства) является для человека собственная городская общность; аут-группой – жители других городов, а также люди, проживающие в сельской местности. Таким образом, осмысление норм и ценностей городского жителя противопоставляется сельскому образу жизни и выражается в идентификационной формуле «Я-горожанин».

Дихотомию «город – деревня» рассматривали многие ученые-урбанисты и социологи города и села. Л. А. Зеленев, считая ее немаловажной, основал на ней свой подход к пониманию города, который был выражен в следующем тезисе: город – это особое социально-пространственное образование наряду с деревнями, селами, поселками и другими локальными ареалами существования людей [1, с. 31].

Г. Зиммель в книге «Большие города и духовная жизнь» отмечал следующие антагонизмы большого города и деревни, основанные на денежном хозяйстве больших городов и скудости обменных отношений деревень:

– темп жизни и скорость смены впечатлений. Деревня в отличие от города предоставляет постоянные, устойчивые впечатления, протекающие с небольшими разницей и привычным образом, тогда как город представляет жителю «калейдоскоп быстро меняющихся картин» [2] с уличной сутолокой, быстрым темпом и многообразием общественной жизни;

– разум и чувства. Типичный житель большого города, создавая себе средство самозащиты от внешней среды, реагирует на нее

не чувством, а преимущественно умом. Поэтому Зиммель отмечает преобладание интеллектуального характера душевной жизни в больших городах сравнительно с деревнями, где «больше требуется проявлений души и отношений, основанных на чувстве» [2]. Это обуславливает и отношения между людьми: в деревне они проникнуты чувством и основаны на индивидуальности человека, для города же характерно конкретное, деловое, рассудочное (бесчувственное) отношение к людям и вещам;

– обособленность и открытость. Внутренние отношения жителей больших городов друг к другу характеризуются замкнутостью и обособленностью, в отличие от деревни, где знаешь каждого встречного и к каждому имеешь непосредственное отношение.

Л. Вирт также сравнивал особенности городского и сельского населения. Он сформулировал тезисы, посвященные взаимосвязи между количеством, плотностью, разнородностью населения и жизнью его групп:

– размер населения. Вирт отмечает, что большое количество населения предполагает наличие большего числа индивидуальных проявлений, а значит, высока потенциальная дифференциация между людьми. Поэтому индивидуальные особенности, род занятий, культурная жизнь, идеи индивидуумов в большей степени поляризованы среди городского населения, нежели среди сельских жителей.

Кроме того, увеличение количества жителей общины вызывает снижение возможностей каждого ее члена на личное знакомство с остальными членами общины. Это приводит к невозможности полноценных личностных контактов и сегментации человеческих отношений;

– плотность населения. Ввиду концентрации большого количества людей на ограниченном пространстве в городах отмечается острейшая борьба за это пространство, а также общая тенденция использования отдельных территорий с максимальной экономической отдачей. Различные части города наделены специфическими функциями, и, следовательно, город напоминает мозаику социальных миров, в которой переход от одного мира к другому может происходить совершенно внезапно [7];

– гетерогенность населения. Социальные отношения среди множества типов личностей в городской среде приводят к усложнению классовой структуры и увеличению и разнообразию социальной стратификации. Частично как результат физической свободы населения и частично как результат социальной мобильности людей в группах происходит быстрый оборот (смена) их членов.

Таким образом, обобщая описанные Виртом признаки города, можно сформулировать его определение: город (в отличие от деревни) – это относительно большое, плотно заселенное поселение социально разнородных индивидов.

Вслед за Г. Зиммелем и Л. Виртом продолжил экспериментальное изучение отличительной специфики городов С. Милграм. Он вводит понятие перегрузки как социального феномена, характеризующего процессы социальной коммуникации в городе. К особенностям коммуникации между жителями города Милграм относит: пренебрежение информацией, которая не является первоочередной; допущение поверхностных форм участия во взаимодействиях с другими людьми; наличие социальных средств защиты и отбора между индивидом и поступающей информацией и т. д. Все эти принципы коммуникации позволяют избежать горожанам информационно-перегрузки.

Помимо оппозиции «город – деревня» в литературе рассматривается феномен пригородов, а также формы нахождения горожан в сельской местности. Пригород возникает в результате диффузии города, когда ему тесно в своих границах [6, с. 374]. Пригородные территории – это не крупный город и не сельская местность, а некий переходный между городом и деревней мир. Городской житель в пригородах специфичен, его можно рассматривать как пригородника и маргинала, но не провинциала [6, с. 381].

К настоящему времени сложилось четыре вида нахождения горожан в сельской местности. Самый старый тип – это дачи. Дачи были феноменом пригородов крупнейших городов. Классические дачи не удовлетворяли стремительно росший спрос горожан на второе жилье, и после войны появился новый, самый массовый тип агрорекреационного землепользования – коллективные сады и огороды, существующий теперь вокруг всех значительных городов. Покупка (наследование) сельских домов – третий тип проникновения горожан в деревню, развивающийся с 1970-х гг. Четвертый тип горожан в сельской местности – это владельцы коттеджей. Зона коттеджей тоже расширяется, но они остаются в основном феноменом пригородов [6, с. 384–387].

Существует и противоположный пригороду феномен – «деревня в городе». В городах сохраняются деревянные дома и частный сектор, несущие признаки сельской местности, индикатором которых являются показатели обустроенности быта.

Необходимо отметить, что проживание в «деревне в городе», в пригороде или выезд горожанина в сельскую местность не нивелирует его городскую идентичность и ощущение себя как горожанина.

Современные социологические исследования констатируют постоянное увеличение доли городского населения в различных странах. Причины такой тотальной урбанизации видятся в том, что город в сравнении с деревней представляет собой совокупность социальных выгод.

Городской образ жизни включает в себя множество привлекательных элементов, таких как дифференциация производственной

деятельности, досуга, образования, бытовых условий, средств массовой информации, а также обслуживания, связи, транспорта и т. д., которая порождает социокультурное разнообразие и выбор; мобильность как психологическая установка личности на саму возможность изменения профессии, социальных связей, места в городе, обновление информации в различных сферах городской жизни [3, с. 33–34].

С. Милграм о привлекательности жизни в городах пишет следующее: «Города обладают большой притягательной силой из-за их разнообразия, насыщенности событиями, наличия возможности выбора и стимулирующего влияния их напряженной атмосферы, что для многих людей является желательным жизненным фоном. Большой город предоставляет на порядок больше возможностей для коммуникации. Большой город дает возможность выбора, которого не может предложить ни одна другая социальная структура» [5, с. 32].

Городской образ жизни основан на достаточно высокой пространственной, профессиональной и социальной мобильности горожан. Жизнь в городе обуславливает включение личности в разнообразные группы, составляющие городскую общность. Разнообразие видов деятельности в городе создает потенциальную возможность для более универсального развития личности.

Высокая общая численность населения в городах приводит к повышению анонимности и одновременно к постоянному нарушению границ личного пространства конкретного жителя. Неоднозначность норм поведения, широкий диапазон ролей порождают постоянную необходимость выбора собственной стратегии поведения [4, с. 8], а также высокий уровень вариативности и альтернативности поведения.

Таким образом, учитывая специфические отличительные особенности городов, можно сформулировать тезис о том, что именно городской образ жизни определяет городскую идентичность жителей в понятии «Я-горожанин».

Библиографический список

1. Зеленов Л. А. Социология города : учеб. пособие для вузов. – М. : Владос, 2000.
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim-pr.html>
3. Коган Л. Б. Быть горожанами. – М. : Мысль, 1990.
4. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? – СПб. : Речь, 2011.
5. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. – СПб. : Питер, 2000.
6. Полян П., Нефедова Т., Трейвиш А. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М. : ОГИ, 2001.

7. Wirt L. Urbanism as way of life // Classical essays in urban culture. Appleton Century Grofts. – New York. 1969 / Пер. В. В. Вагина. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=99>

ФАКТОР ЯЗЫКА В ПОДДЕРЖАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ТАТАР И РУССКИХ В ТАТАРСТАНЕ)

М. И. Гилязова

**Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия**

Summary. The following article is about the linguistic factor in the maintenance of the ethnic identity. This issue considers on the example of titular ethnic groups of Tatarstan republic: Tatars and Russians. Role of the language is huge in forming and preserving ethnic identity. We often associate a certain language with a certain ethnos. Here can be kept in mind a real use of the language and its symbolic meaning to the members of concrete ethnic group.

Key words: ethnos; national and ethnic identity; mother tongue; symbolic mark of a language; proficiency in a language.

Этническая идентичность, как известно, состоит из множества компонентов, таких как религия, общность культуры и происхождения, территория, традиции и ценности, образ мышления и поведения, но, наверное, самое значительное место среди них отводится языку. Ведь в большей степени именно язык выполняет функцию «символа-маркера» [1] для определения национальной принадлежности человека и служит основой для национальной идентичности. Пока живет язык, живет и определенный этнос.

В сознании часто происходит отождествление конкретного языка с определенным народом, возникают прямые ассоциации между этими понятиями. Однако здесь может иметься в виду как фактическое использование языка, употребление его в обыденной жизни, быту всеми членами этноса, так и его символическая сторона в качестве представления в сознании родственности и общности с группой посредством языка.

По данным научно-исследовательского проекта, проводившегося в Казанском федеральном университете в 2012 г. [2], 635 (39,9%) респондентов из 1590 относят себя к русским, 849 (53,4 %) – к татарам, 106 (6,7 %) – к иным национальностям (в их числе крымчане, чуваша, мордва, удмурты, марийцы, украинцы, башкиры, азербайджанцы и др.). Как видим, этнические группы татар и русских в республике самые многочисленные, именно к ним принадлежит подавляющее большинство населения Татарстана. Однако процентное соотношение долей этих групп не равно.

В качестве родного русский язык указали 47,9 % респондентов, татарский же выбрали 47,5 % респондентов. Интересно то, что если внимательно посмотреть на процентное соотношение татар и русских, становится понятно, что в силу разных причин и обстоятельств не каждый татарин выбрал в качестве родного языка татарский и не каждый русский выбрал в качестве родного русский язык. Из этого можно сделать заключение, что общепринятое предписание «конкретный язык предполагает отнесение себя к конкретному этносу» не оправдывает себя. 98,6 % русских указали русский язык в качестве родного, 0,8 % – татарский язык, 0,6 % – другие языки. У татар ситуация такая: 9,9 % выбрали русский язык как родной, 87,1 % – татарский, 1,8 % – другие языки.

Знания культуры своей этнической группы закладываются, как правило, в семье. Ведь институт семьи является первичным и основным в социализации каждого индивида. Этническое самосознание, соответственно, формируется на основе традиций, обычаев и устоев, принятых в семье. Большая их часть поддерживается языком. Тот язык, который считается родным, являет собой своеобразный кладезь культурной информации и духовных практик.

На вопрос «На каком языке говорили с вами в детстве в вашей семье?» 94,8 % русских ответило, что на русском; 0,9 % – на татарском; 3,9 % – на русском и на татарском языках; 0,2 % – на русском и на языке их национальности. 10,6 % татар выбрали вариант ответа «русский язык»; 64,1 % – татарский; 0,1 % – другой язык; 24,5 % – русский и татарский язык; 0,6 % – русский и язык их национальности. А на вопрос по поводу того, на каком языке они разговаривают дома сейчас, каковы их языковые практики, ответы были следующие: 96,4 % русских разговаривают дома (с родителями, супругом, детьми) на русском языке; 0,5 % – на татарском языке; 0,2 % на другом языке; 3 % – на русском и на татарском языках. 19,4 % татар разговаривают дома на русском языке; 47,8 % – на татарском; 31,9 % – и на русском, и на татарском языках; 0,5 % – на русском и на языке их национальности.

В республике Татарстан официально признанными государственными языками являются татарский и русский языки. Однако практическое применение и знание языков разнятся. Так, респондентам задавался вопрос о степени владения татарским языком, с разделением его на «подвопросы» по поводу понимания татарского языка, умения разговаривать, читать и писать. Среди татар 64,7 % свободно понимают татарский язык; 60 % свободно на нем разговаривают; 57,6 % свободно читают; 52,8 % свободно пишут. Среди русских 2,7 % свободно понимают татарский язык; 1,3 % свободно разговаривают; 4,7 % свободно читают и 2,5 % свободно пишут. Как видим из этих цифр, ситуация по знанию языка совсем не равнознач-

ная. Даже среди респондентов татарской национальности не наблюдается стопроцентное владение языком.

Респондентам, компетентным в татарском языке, задавался вопрос относительно частоты применения и использования языка, другими словами, относительно «социальной нужности» татарского языка для представителей татарского и русского этносов. Так, 2,4 % респондентов русской национальности сказали, что часто используют татарский язык в своей повседневной жизни; 20,8 % – редко; 76,8 % – не используют вовсе. Большинство компетентных в татарском языке респондентов татарской национальности часто используют татарский язык в повседневной жизни, о чём свидетельствует цифра в 70,3 %. 22,6 % же редко используют, а 7,1 % вообще не используют.

Респондентам, не компетентным в татарском языке, задавался вопрос о наличии желания изучить его, на что мы получили следующую картину: 32,6 % русских и 68,3 % татар выявили желание изучить татарский язык, 45,6 % русских и 16,9 % татар такого желания не высказали.

Проблему сохранения культурного наследия и передачи его из поколения в поколение, соответственно, проблему поддержания этнической идентичности при помощи языка мы затронули в следующем вопросе: «Насколько для Вас важно, чтобы ваши дети говорили на вашем родном языке?» Здесь представители обеих национальностей, и татары, и русские, отметили важность этого факта: 72,3 % и 69,8 %. Однако же, будем помнить, что родным языком для русских и татар не обязательно будет являться русский и татарский языки соответственно.

Существует ли прямая связь между знанием или незнанием конкретного языка и связанной с ним этнической самоидентификацией? Влияет ли сам факт того, что ты знаешь язык, применяешь его в повседневной практике на то, что ты относишь себя к конкретному этносу, осознанно или бессознательно? Мы задали респондентам вопрос: «Как вы считаете, можно ли быть человеком вашей национальности, если не владеть вообще языком вашей национальности?» 32,9 % респондентов русской национальности согласились с данным мнением и дали положительный ответ, у респондентов татарской национальности положительных ответов больше – 54,1 %. 54,4 % русских и 34,6 % татар говорят, что невозможно относить себя к своей этнической группе, не зная языка. То есть больше респондентов татарской национальности считают, что факт владения языком не обязательно относит тебя к определенному этносу.

Фактор языка является одним из важнейших в определении этнической идентичности. Хотя он может и не означать неразрывную связь с конкретным этносом, тем не менее он несет в себе огромный пласт культурной информации, важной для индивида и его само-

идентификации, соответственно, через него мы можем узнать о социально-психологических и культурных характеристиках человека.

Библиографический список

1. Намлинская О. О. Особенности национальной идентификации молодых русских в современном российском обществе. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2007/abstract/Namlinskaya_OO/ (дата обращения: 12.03.10).
2. Научно-исследовательский проект Казанского федерального университета [12-48 в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ] «Состояние и динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан» / науч. рук. – Р. Г. Минзаринов, авт. колл.: С. А. Ахметова, Г. Я. Гузельбаева, М. Ю. Ефлова, Л. Р. Низамова, А. Н. Нурутдинова.

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО – ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Т. М. Бормотова

**Всероссийский научно-исследовательский институт
МВД России, г. Москва, Россия**

Summary. Aggravations of interethnic and interfaith differences are used in politics, the struggle for power. The growth of denominational diversity can have a negative impact on society and the consolidation of political stability in Russia.

The Islamic factor for Russia in the near future, becomes the defining, In an environment of increasing Islamic religio-political activism on a global scale, including the potential for integration of Islamic socio-political doctrine and the inevitability of the expansion and deepening of relations of different parts of the Islamic community with each other in today's world information and communication technologies.

Key words: international and interfaith relations; the integration of migrants; the Islamic population; foreign-language and regions with a different culture.

Серьезной проблемой XXI века, с которой столкнулась Россия и ее регионы, является массовая внутренняя и внешняя миграция.

Она не только меняет этнокультурный облик регионов, но и создает напряженность в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Для регулирования национального развития в Российской Федерации и сферы миграции, предусмотрев в них решение вопросов адаптации иностранных граждан в российское этнокультурное и религиозное пространство, профилактики напряженности в отношениях между мигрантами и коренными народами России, необходимо также рассмотреть вопрос о внесении изменений в нормативные законодательные акты Российской Федерации.

Изменения российского общества в конце минувшего столетия привели к тому, что вопросы социально-демографического развития, и в частности миграции – его основной компоненты, приобрели для России новую геополитическую окраску. К этому времени миграции стали ведущим фактором динамики общей численности населения во всех регионах страны.

Так, на сегодняшний день состояние современного гражданского общества России формируется под воздействием миграционного фактора, и чаще обращается внимание на исламскую составляющую миграции. Для оценки ее роли и влияния на ситуацию в стране требуется комплексный анализ. Из этого следует, что трудовые мигранты, «гастарбайтеры», – это новое лицо ислама, и это вполне применимо к современной российской действительности [1].

Миграция всегда вызывала значительный интерес исследователей в таких аспектах, как наркотрафик, экономические и социальные факторы, формирующие миграционные потоки в странах-донорах и регионах-реципиентах мигрантов, их социализация, структура занятости, половозрастные характеристики мигрантских сообществ, их интравертность и экстравертность.

Однако религиозная составляющая миграции до сих пор не становилась самостоятельным объектом исследования. Между тем именно трудовые мигранты из Центральной Азии и Кавказа с 2000 гг. стали основными посетителями мечетей крупных российских городов, в местах своей работы они организовали молельные комнаты для совершения ежедневных пятикратных намазов, из бесед с ними можно понять, насколько важное место религия занимает в их жизни [1].

По этноконфессиональному составу прибывающих в Россию трудовых мигрантов можно сделать вывод, что по преимуществу это выходцы из стран с традиционно мусульманским населением. 74 % всех трудовых мигрантов из стран СНГ – жители Центральной Азии и Закавказья. На конец 2011 г. лидировал по числу трудовых мигрантов Таджикистан – 28 %, далее идут: Узбекистан – 18 %, Кыргызстан – 15 %, Казахстан – 8 % и замыкает пятерку лидеров Азербайджан с 5 % приезжих. Из стран с визовым режимом въезда еще 5 % работников-мусульман дает Турция.

Однако данный анализ не предполагает, что все приезжающие в Россию выходцы из традиционно мусульманских стран являются практикующими мусульманами. Из этого следует, что среди трудовых мигрантов, прибывающих на заработки в Россию, практикующие мусульмане (соблюдающие все предписания религии) составляют меньшинство, но весьма заметное и социально активное.

Беря за основу темпы миграции исламского населения, учитывая традиции многоженства и многодетности в их семьях, а также тейповый уклад жизни и устойчивую депопуляцию коренного населения средней полосы России, можно сделать вывод, что прирост

населения в крупных городах центральной части России, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, происходит сегодня и будет осуществляться в ближайшие 10–15 лет за счет мусульманской части [2].

Миграция способствует увеличению количества мусульман в нашей стране, а соответственно, по мнению ряда наблюдателей, может привести к укреплению позиций, увеличению роли и политического веса ислама и мусульманских организаций в России.

Одновременно сравнивая миграционную ситуацию в Европе [3] и России, можно отметить, что ситуация не вызывает опасения относительно выступлений мигрантов под исламскими лозунгами, поскольку мигрантские сообщества в нашей стране только формируются и институционализируются, они достаточно разобщены и находятся в непростых отношениях как между собой, так и официальными мусульманскими структурами.

Не приходится пока говорить и о процессе интеграции мигрантов-мусульман в мусульманское сообщество промышленных регионов России. Несмотря на имеющиеся положительные примеры, когда мечети могли бы выступить центрами по социокультурной адаптации мигрантов, диаспоры остаются достаточно замкнутыми и обособленными, количество межэтнических исламских браков невелико, а уровень взаимного доверия у татаро-башкирского населения к мигрантам из Центральной Азии и Кавказа (и наоборот) оставляет желать лучшего. Местные мусульмане не воспринимают братьев по вере как равных, как ни парадоксально, но этот фактор родственен ксенофобии и мигрантофобии русского населения. Хотя исламская компонента миграции все чаще ставится на повестку дня, но реально пока себя не проявляет. Думается, что лишь мероприятия по интеграции мусульманского сообщества как на федеральном, так и на региональном уровнях, начавшиеся в конце 2009 г., способны будут повлиять на эффективную интеграцию мигрантов в мусульманское сообщество, а затем и в гражданское общество страны в целом.

Библиографический список

1. Булгаков М. А. Азербайджанская диаспора в Пермской области: политические аспекты жизнедеятельности. URL: <http://elis.pstu.ru/bulgakov2.htm>
2. Бобровников В. Исламский призыв и адаптация. В Москве появились районы со значительным количеством переселенцев с Кавказа, доля которых в Фили-Давыдково, Раменках и Можайском районах от 27,5 до 32,3 %, в Дорогомилове – 35,1 %, Измайлове – 35,9 %.
3. Спулер-Стигманн У. Как ислам пришел в Германию. URL: <http://www.islam.ru/pressclub/histori/kasigel/>

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2012–2013 годах.**

В 2012 году

20–21 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-12)

25–26 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы»** (К-42-11-12)

1–2 декабря 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-12-12)

5–6 декабря 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-44-12-12)

В 2013 году

15–16 января 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты»** (К-01.15.13)

17–18 января 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Развитие творческого потенциала личности и общества»** (К-01.17.13)

20–21 января 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Социальная психология детства: ребенок в семье, институтах образования и группах сверстников»** (К-01.20.13)

25–26 января 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Региональные социогуманитарные исследования. История и современность»** (К-01.25.13)

1–2 февраля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации»** (К-02.01.13)

5–6 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания»** (К-02.05.13)

10–11 февраля 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теоретические и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования»** (К-02.10.13)

15–16 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Психология XXI века: теория, практика, перспектива»** (К-02.15.13)

20–21 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные технологии в системе образования»** (К-02.20.13)

25–26 февраля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Экологическое образование и экологическая культура населения»** (К-02.25.13)

1–2 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Партнерство социальных институтов воспитания в интересах детства»** (К-03.01.13)

5–6 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»** (К-03.05.13)

10–11 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Национальные культуры в социальном пространстве и времени»** (К-03.10.13)

13–14 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»** (К-03.13.13)

15–16 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-03.15.13)

20–21 марта 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»** (К-03.20.13)

25–26 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»** (К-03.25.13)

28–29 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Личность и социальное развитие»** (К-03.28.13)

1–2 апреля 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании»** (К-04.01.13)

5–6 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-04.05.13)

7–8 апреля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские вопросы современной психологии, нейрофизиологии, нейроморфологии, психолингвистики»** (К-04.07.13)

10–11 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-04.10.13)

15–16 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-04.15.13)

20–21 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-04.20.13)

22–23 апреля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Деятельность социально-культурных институтов в современной социокультурной ситуации: проблемы теории и практики»** (К-04.22.13)

25–26 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания»** (К-04.25.13)

28–29 апреля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Самореализация потенциала личности в современном обществе»** (К-04.28.13)

2–3 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»** (К-05.02.13)

5–6 мая 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-05.05.13)

10–11 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»** (К-05.10.13)

15–16 мая 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-05.15.13)

22–23 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Модели развития психологического универсума человека»** (К-05.22.13)

25–26 мая 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-05.25.13)

1–2 июня 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-06.01.13)

3–4 июня 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии»** (К-06.03.13)

5–6 июня 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.13)

7–8 июня 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»** (К-06.07.13)

10–11 сентября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-09.10.13)

15–16 сентября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-09.15.13)

20–21 сентября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-09.20.13)

25–26 сентября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09.25.13)

28–29 сентября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.13)

1–2 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-10.01.13)

5–6 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-10.05.13)

10–11 октября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-10.10.13)

15–16 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.13)

20–21 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.13)

25–26 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.13)

28–29 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.13)

1–2 ноября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.13)

3–4 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.13)

5–6 ноября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы »** (К-11.05.13)

10–11 ноября 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.13)

15–16 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.13)

20–21 ноября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.13)

25–26 ноября 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему»** (К-11.25.13)

1–2 декабря 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.13)

5–6 декабря 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.13)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь преподавателю
- В помощь учителю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, профессор (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пен-

за, Россия), Голандам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.com> в PDF-формате.

УДК 94(470)"17/18"

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, Н-ский край, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, Republic of Khakassia, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной

проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр. **Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.**

Расчетный счет для перечисления денег

Получатель: **ООО Научно-издательский центр «Социосфера»**
р/с № 40702810000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк» (ОАО)
«Пензенский» г. Пенза
ОГРН 1095837003239
ИНН 5837042277
КПП 583701001
БИК 045655722
к/с 30101810900000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России по
Пензенской области
Платеж: **ФИО автора**

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphere@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» – Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210х297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает 16 экземпляров, подлежащих обязательной отсылке в Российскую книжную палату.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

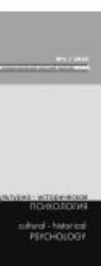
ЖУРНАЛЫ по психологии **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- * Удобно
- * Выгодно
- * Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГППУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет базового образования Нового болгарского университета
Семипатинский государственный университет им. Шакарима
Пензенская государственная технологическая академия

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

Материалы II международной научно-практической
конференции 25–26 октября 2012 года

Редактор В. А. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 05.11.2012. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 6,29 п. л.
Усл.-печ. л. 5,85 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 48/12.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в.
тел. (8412) 21-68-14,
web site: <http://sociosphaera.com>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. тел. (8412)56-25-09